

Дороги Пограничья

Олаф Бьорн Локнит

Карающая длань

«Лениздат»

1998

Локнит О.

Карающая длань / О. Локнит — «Лениздат», 1998 — (Дороги Пограничья)

Оказавшись в Пограничном королевстве, Конан нанимается в местную дорожную стражу и сталкивается с оборотнями-волколаками, терроризирующими местное население. Он борется с вожаком оборотней, уничтожает его стаю и помогает своему другу Эрхарду занять трон Пограничья.

© Локнит О., 1998

© Лениздат, 1998

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ,	8
ГЛАВА ВТОРАЯ,	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	24
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,	33
ГЛАВА ПЯТАЯ,	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олаф Бьорн Локнит

Карающая длань

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБОРОТНИ ЗА КАЖДЫМ КУСТОМ

ПРОЛОГ

В Пограничном королевстве наступила осень. Разумеется, по природе здешней, приближенной к промозглой полуночи местности, зарядили морозящие нескончаемые дожди. С начала первого осеннего месяца потоки мутных облаков тяжело плыли к восходным краям, не позволяя слабым солнечным лучам коснуться превратившейся в жидкую грязь земли...

Олгар, милостью Митры свободный земледелец, поднял голову и плюнул в затянутое серой пеленой небо.

– Нергал бы побрал эту погоду! Эх, говорила мне матушка: «Сынок, ну зачем тебе ехать в такую дыру? Ну и что тебе светит с бесплатной раздачи земли? Вот у нас, в Гиперборее, землицы, бери – не хочу, правда, немного каменистая и промерзлая, да ты у меня парень крепкий... „Сидел бы сейчас, долбил заступом «землицу“, и за шиворот ничего бы не лилось... Тьфу! – Олгар от души сплюнул еще раз, вздохнул и продолжил выдергивать из смачно чавкающей грязи, бывшей когда-то черноземом, желтоватую, подгнившую репу.

За его спиной, возле недалекой опушке мокрого, унылого леса захлопали по грязи чьи-то осторожные шаги. Олгар обернулся – кого там еще несет? – резко дернулся, потянувшись за болтавшимся на боку кинжалом, и его лицо окаменело от ужаса.

– Митра, защити грешного раба твоего! – истошно заорал крестьянин через мгновение, выронил нож, и бегом кинулся через раскисшее поле к маленькому домику с уютно светившимся окошком.

За ним, с жутким треском проломившись через густой подлесок, прыжками несло Нечто. Оно шло, вернее, бежало на двух вполне человеческих ногах, имело две руки (правда, пальцы на них заканчивались здоровенными желтоватыми когтями), а на крепкой толстой шее сидела почти волчья голова. «Почти» потому, что глаза у нее были небесно-голубые и вполне человеческие. В довершение картины жуткое существо, словно вырвавшееся из мира демонов, с головы до пят покрывала короткая светло-коричневая шерсть.

Бедняге Олгару не удалось добежать до родной хибары. Оборотень настиг его где-то посредине поля и с размаху прыгнул на спину. Крестьянин оказался сильным и пробежал с тяжелой тушей на спине еще шагов пять, визжа, будто свинья на бойне.

Оборотень тоже не просто сел покататься. Кривые когти разодрали грудную клетку человека, левая лапа обхватила трепыхающийся упругий комочек и рванула... Визг внезапно оборвался, Олгар, щедро поливая скользкую грязь собственной кровью, рухнул в грязь. Существо, не удержавшись, сорвалось со своей жертвы, проскользило пару шагов в мокром месиве, крепко сжимая в лапе добычу. Остановившись, оно по-собачьи отряхнулось и с наслаждением погрузило длинные клыки в то, что совсем недавно было сердцем Олгара. Когда с крохотным кусочком мяса было покончено, оборотень поднял голову к низкому, хмурому небу и завыл. Но не протяжным, тоскливым волчьим воем, а победным, торжествующим. Затем он опустился на четвереньки и...

Тело поплыло, размякло, как нагретая глина, трещали кости, ладони скрючились, пальцы поджались, становясь настоящими волчьими лапами, голова вытянулась вперед, вырос хвост... На месте человекоподобной твари стоял огромный, поджарый светло-коричневый с серебристой волк, ничем не отличающийся от своих лесных собратьев. Только глаза остались прежними – голубыми и холодными, как две льдинки. Зверь преспокойно принялся поглощать лежавшее перед ним и курившееся теплым парком мясо, иногда, для удобства, придерживая его широкой лапой.

Дверь домика распахнулась и на пороге появилась дородная женщина в простом холщовом платье.

– Олгар, прекрати выть под окном, второй раз ты меня этим не испу... О, Митра! – хозяйка дома закричала и кричала долго, с надрывом, кричала до тех пор, пока огромный волк могучим прыжком не сбил ее с ног. Наступила тишина. Почти тишина, если не учитывать хруста разгрызаемых костей и неумолчного шума дождя.

Наконец волк набил брюхо, облизнулся, кинул взгляд по сторонам и ленивой трусцой сытого и никуда не торопящегося зверя пересек поле, скрывшись в лесу. Над разоренной усадьбой закружились незнамо откуда взявшиеся вороны. Немного погодя черно-серые птицы стали спускаться все ниже и ниже...

Оборотень пробежал около мили по мокрому лесу, затем выскочил на заброшенную вырубку и отмахал по ней еще с поллиги. Вырубка упиралась в широкий тракт, ведущий в Пайрогию, а на обочине паслись три оседланных коня под присмотром двух человек. Судя по их форме и оружию, они входили в личную дружину какого-то бритунийского дворянина.

Лошади подняли головы, но не забились в ужасе, когда беззвучно вынырнувший из высокой травы волк подбежал к ним. Не испугались и солдаты.

Оборотень замер посреди тракта, как-то весь подобрался и мелко задрожал, снова начав меняться. На сей раз он принял облик человека – невысокого стройного молодого мужчины со светлыми прямыми волосами, прямым же носом, жестким узким ртом и голубыми глазами. На щеке белел небольшой шрам.

Один из воинов протянул мужчине заранее приготовленную одежду – довольно богатый охотничий костюм.

– Охота была удачной, мой господин? – подобострастно спросил он.

Бледные губы оборотня скривились в усмешке.

– Вполне, – коротко бросил он, застегивая камзол.

Вскоре все трое вскочили в седла и рысью двинулись по направлению к Пайрогии.

* * *

– Вот дерьмо! – с отвращением произнес немолодой десятник пограничной стражи, накрывая дерюгой полусъеденные останки женщины и стараясь при этом не смотреть вниз. Его подчиненный, более слабый нервишками и желудком, сотрясался в рвоте, держась за угол дома. Еще двое солдат занимались телом (вернее, тем, что от него осталось) мужчины, лежавшего посреди наполовину убранного поля. Остальные патрульные обшаривали окрестности, выискивая хоть какие-нибудь следы.

– Ну, что там?! – крикнул немного погодя десятник солдатам, осматривавшим второй труп.

– Сплошной кошмар, Эрхард. Вдобавок и воронье поработало... Короче, отвратительное зрелище! – донеслось в ответ.

Эрхард с явной неохотой подошел к ним, откинул плащ с тела, побледнел и торопливо набросил ткань обратно.

– Что скажешь, Эмерт? – мрачно спросил он у солдата.

Эмерт горестно покачал головой:

– Нам велели проверить этого поселенца, потому что его соседи, во-он там, – он ткнул рукой в сторону холмов, – слышали крики и вой, доносившиеся со стороны усадьбы, однако сами пойти побоялись. Селяне закрылись в своем доме и носа оттуда не показывали. Я очень надеялся, что это окажется обычной семейной ссорой с битьем собаки, но... Здесь все также, как и в других поселениях на границе. Полусъеденные трупы, огромные волчьи следы и отпечатки босых ног, явно не принадлежащие убитым... Поневоле вспомнишь старые сказки об оборотнях.

– Да брось ты, – сплюнул Эрхард. – Не бывает оборотней.

– Почему ты так уверен? Кто же тогда убил Олгара и его жену? Не простой же песик! – настаивал на своем Эмерт. – Здесь наверняка поработал какой-то хищный зверь!

– Может, колдуны гиперборейские балуются? – неуверенно предположил десятник, глядя на покрытое плащом тело и сам не слишком веря своим словам. – Эй, Джил! Мартокс! Копайте могилу где-нибудь за домом! Хотя нет... Будет лучше сжечь хибару вместе с трупами.

Эмерт кивнул:

– Ты прав. Все равно никто больше не захочет поселиться тут.

– Приказ отменяется, парни! – заорал Эрхард. – Тащите тела в дом и поджигайте его! Как ты думаешь, Эмерт, – повернулся он к подчиненному. – Долго такое будет продолжаться?

Остальные солдаты уже таскали в дом сухую солому из-под навеса.

– Эх, командир, – вздохнул тот. – Пока оборотня не прикончим...

– Далась тебе эти оборотни! Ладно, – махнул рукой десятник, глянув на весело разговарившийся дом. – По коням, ребята! Здесь нам больше делать нечего!

– Командир! Командир! – к уже сидевшему на лошади Эрхарду подбежал запыхавшийся молодой солдат. – Я прошел по следам, они ведут к тракту и там обрываются. Возле дороги недавно, похоже, паслись три лошади, но потом они выбрались на дорогу и их следы затоптали. Думается мне – они направились в Бритунию.

– Молодец, – похвалил подчиненного Эрхард. – Но это говорит не о многом... Уходим!

Спустя некоторое время кавалькада на рысях скрылась за холмами, оставив домишко Олгара догорать в одиночестве.

Десятник Эрхард и не подозревал, что очень скоро примет самое деятельное участие в раскрытии загадочных убийств, да не один, а в компании с известным бродягой-киммерийцем по имени Конан.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Конан размышляет о превратностях судьбы искателя приключений

– Кром! – проворчал Конан, когда с неосторожно задетой ветки ему за шиворот обрушился водопад холодной воды. Это вдобавок к непрекращающемуся мелкому противному дождику! Там, в небесах, что, все спятили? Сколько ж можно поливать эту треклятую землю, на которой все равно ничего толком не растет?

Небольшой караван, в который бродяга-варвар нанялся охранником, вез из Нумалии различное ценное (и не слишком) барахло королю Пограничья, а также его подданным. Однако «король» – сильно сказано. В Пограничном королевстве испокон века царили столь немислимые неразбериха и бардак, что разобраться в хитросплетениях политики этой маленькой страны не смог бы даже Митра, появившись у него столь странное желание. Насколько было известно, западную часть так называемого королевства занимали отдельные кланы, постоянно враждующие между собой и вообще не признающие никакого короля. На восходе же шла извечная грызня за трон между местными графами и потому с уверенностью сказать, кто нынче занимает развалюху, пышно именуемую «королевским дворцом», было сложно. Впрочем, не все ли равно?..

У Конана после двух предыдущих посещений Пограничья сохранились довольно-таки неприятные воспоминания об этой унылой и заброшенной стране. Киммериец, впервые проезжая через закатные края, поневоле угодил в крупную междоусобную заварушку. Вступившись за девушку, он спас ей жизнь и восстановил справедливость (во всяком случае, так ему казалось), но при этом Конана едва не растерзал царственный бык – тотемное животное местных кланов. Во второй раз было значительно хуже: варвар помог очередному (вроде бы законному...) королю победить мятежного вассала, набравшего на службу кучу мерзопакостных колдунов из Звездного Братства. В общем, если пропускать мелочи и вспоминать только о самом главном, тогда его чуть не сожрало кошмарное чудище, не убила Раина Боссонская и не повесил граф Сизамбри. Веселенькая выдалась прогулочка, нечего сказать...

Но, по крайней мере, во время прошлых визитов стояло лето и не текло с неба!

Караван неторопливо пробирался густым лесом, редко посещаемая дорога размокла и лошади с трудом переставляли ноги, утопая в чавкающем липком месиве. Несколько раз колеса телег увязали настолько, что погонщикам приходилось слезать и подталкивать их – лошади не справлялись. Конан, как самый сильный, принимал в этом тяжком деле непосредственное участие, о чем красноречиво свидетельствовали его покрытые грязью выше колен, а некогда так хорошо выглядевшие и почти новенькие кожаные штаны и сапоги.

После очередного длительного и мучительного вытаскивания застрявшей телеги из огромной лужи, варвар залез в седло и мрачно подумал, что, хотя ему напрочь надоели Черные Королевства и постоянно подкидываемые ими неудачи (Взять хотя бы недоброй памяти Живой ветерок... Зачем, спрашивается, полз сражаться за справедливость?..), это грязное болото тоже мало напоминает место роскошного отдыха. Все, доведу караван до места, получая свое и сваливаю... Только куда? Может, податься в Аквилонию? Там, по слухам, опять началась заварушка с пиктами. Наемники всегда много зарабатывают... Ага, по шее и по другим частям тела. Нет, ну что за поганое место такое?

По лицу не успевшего пригнуться киммерийца с размаху прошлась очередная ветка, вызвав очередной ливень холодных капель и бурю негодования в душе варвара. Наверное, у него случилось временное помрачение рассудка, раз он согласился связаться с этим треклятым караваном...

* * *

... Когда Конан сидел в харчевне «Драконья кровь» и с удовольствием напивался – все равно делать было нечего – к нему подошел невысокий подтянутый человек. Черные смоляные волосы и аккуратная подстриженная бородка и усиками такого же цвета, а также смуглый цвет лица выдавали в нем уроженца гирканских степей. Одет незнакомец был, правда, по последней немедийской моде, однако на широком кожаном поясе висела кривая туранская сабля без особых украшений на рукояти и в простых, обтянутых свиной кожей ножнах.

Когда он обратился к киммерийцу, Конану все стало ясно. Незнакомец говорил на немедийском с явно выраженным туранским акцентом.

– Я думаю, передо мной известный Конан из Киммерии?

Получив утвердительный ответ – варвар кивнул головой, так как рот у него был занят пережевыванием недожаренной говядины – неизвестный невозмутимо продолжил:

– Я Омал из Султанапура, – при этом туранец церемонно поклонился. Его опрятный вид совершенно не вязался с замызанной вонючей дырой, которую являла из себя «Драконья кровь» и варвар мельком подумал – чего ж тогда этот щеголь здесь шляется и на кой ляд ему понадобилось заводить разговор с поиздержавшимся наемником на мели, коим в данный момент является он сам? Может, хочет что-то предложить? Десяток-другой золотых сейчас вовсе не помешал бы... – Вы позволите угостить вас вином?

Конан промычал нечто нечленораздельное – он посейчас не мог управиться с излишне жестким куском мяса – однако сопровождавший невнятные звуки кивок на сей раз оказался куда более энергичным. Наконец, победа над местной стряпней была одержана и в полупустой харчевне прозвучал возмущенный рев:

– Кром! Эй, хозяин, сколько лет стукнуло этой корове – двести или триста? Ладно, – обратился варвар к Омалу. – Угости, если хочешь... Но не думай, что это меня чем-нибудь обяжет.

– Трактирщик! Кувшин лучшего вина, какое у тебя найдется, – потребовал Омал. – И быстро! – добавил он, видя, что жирный боров в грязном фартуке не особо торопится, оценивая платежеспособность посетителя. Но стоило в руке туранца мелькнуть золотой монетой, как хозяин с неожиданной прытью побежал на кухню. Вскоре на замызганный стол был осторожно водружен глиняный кувшин.

Улыбаясь щербатой улыбкой, трактирщик как бы между прочим бросил:

– Два золотых.

– Что?! – туранец в бешенстве вскочил со скамьи. – Да за такие деньги можно купить всю твою харчевню!

Тем временем Конан, нехорошо ухмыляясь, преспокойно сгреб кувшин своей лапищей, без особых размышлений отбил горлышко о край стола и опрокинул содержимое в бездонную глотку. На горле заходил крупный кадык. Остолбенели и трактирщик, и Омал, у последнего просто отвалилась челюсть. Осушив сосуд до последней капли, варвар стукнул кувшином о стол и просто сказал:

– А вино-то ничего. Кислит, правда, немного.

Трактирщик улыбнулся настолько широко, насколько мог, и несколько увядшим голосом повторил:

– Два золотых.

Омал побледнел, но развязал тесемки кошель и вытянул два желтых кругляшка.

– Держи, кровопийца! А ты... – он задохнулся, явно подыскивая подходящее слово, но потом махнул рукой, расхохотался и неожиданно закончил: – Молодец! Я уверен – ты мне подходишь.

Конан крякнул и многозначительно бросил:

– Зато я не уверен, подходишь ли ты мне.

Он перегнулся через стол и смачно рыгнул прямо в лицо Омала, распространив вокруг отвратительный запах перегара. Опустошенный кувшин был отнюдь не первым за сегодняшний вечер, однако это обстоятельство совершенно не мешало варвару соображать. Просто ему было любопытно – сбежит разряженный красавчик или останется? Если сбежит – значит, его и слушать не стоило, а вот если нет...

Туранец брезгливо отшатнулся, но с места не двинулся, процедив:

– Да ты просто животное, а я-то думал...

Киммериец криво ухмыльнулся:

– Вот она, обратная сторона медали! Ну, хорош шутить, давай о деле. И закажи еще вина, – добавил он, устраиваясь поудобнее и готовясь выслушать все, что ему скажут. Спешить-то все равно некуда – денег почти нет, работы пока тоже не нашлось, а тут вроде подворачивается что-то любопытное...

– Хозяин! Еще вина, только подешевле, – Омал уселся, отодвинул тарелку с обгрызенными костями, поставил локти на замызганный стол и взглянул в глаза Конану. – Я начальник охраны купца Торика. Через два дня он и его компаньоны отправляют большой караван в Пограничное королевство. Мне поручено набрать отряд в два-три десятка человек для его охраны. Задание простое – доставить товар целым и невредимым. Уйдет на эту прогулку недели две или побольше, оплата – десять золотых...

Грубый, но искренний хохот заглушил слова туранца.

– За такие гроши тебе даже последняя уличная шлюха не даст, а ты предлагаешь мне убить две недели! Не пойдет, – твердо сказал Конан и сделал крупный глоток из огромной кружки. Омал понимающе кивнул головой:

– Как мне и рассказывали, тебя на мякине не проведешь. Поэтому даю сразу пятьдесят.

Конан, улыбаясь, отрицательно помахал рукой.

– Иди, покрутись на окраинах и найми с десятков нищих. Они с удовольствием поразмахивают клюками возле твоих телег. В конце концов, мы с тобой не мальчики. Или называй нормальную плату или убирайся. Выход вон там, – для пущей верности он даже указал на покосившуюся дверь. – Хотя могу устроить вылет через окно. Правда, оно узкое, но нет ничего невозможного...

Туранец коротко ухмыльнулся и бросил:

– Двести.

– Ну, вот это совсем другой разговор, – довольно сказал Конан. – Когда я получу деньги?

– Пятьдесят сейчас, остальное в Пограничье, когда доберемся до места. Оружие, надеюсь, у тебя есть?

Варвар подумал, не обидеться ли на такое предположение, но потом решил, что не стоит. В конце концов, как-то нехорошо сначала напиться за чужой счет, а потом устроить собутыльнику и работодателю взбучку. Да и настроение совершенно неподходящее... Поэтому он кивнул и допил остатки вина:

– Все, что потребуется, я куплю сам. Давай, – он протянул руку.

Омал тяжело вздохнул, запустил руку в кошель и отсчитал десять полновесных пятиталеровых монет с немедийским драконом с одной стороны и профилем короля с другой:

– Приходи через два дня к Северным воротам. Надеюсь, ты не пропешь задаток тут же... – вполголоса пробормотал начальник охраны.

Конан пропустил его слова мимо ушей, невозмутимо сгреб деньги в казавшийся бездонным карман и поднялся:

– Пойду, прогуляюсь по оружейным лавкам. Встретимся через два дня.

Едва не ударившись головой о низкую притолоку, варвар покинул трактир, по грязным и извилистым улочкам выбрался на широкий Королевский тракт и остановился в раздумье.

На Королевском тракте (поименованном так в честь того, что именно здесь происходили все парадные въезды-выезды короля в те редкие случаи, когда он посещал Нумалию) находились три лавки, украшенные скрещенными на фоне глухого рыцарского шлема мечом и топором. Все мастера, работавшие здесь, считались превосходными. Оглядев себя, Конан нашел, что его кожаные штаны и куртка хоть и изрядно потрепаны, но разваливаться в ближайший месяц вроде не собираются. То же самое касалось и подкованных железом высоких сапог. Из оружия у него имелся неизменный прямой широкий меч с простой рукояткой и карпашский кинжал с лезвием длиной около двух ладоней. Требовалось купить небольшую секиру для конного боя, кольчугу и шлем. Ну, если хватит денег, можно разориться и на небольшой щит.

Киммериец наконец пришел к какому-то решению и быстрым шагом отправился вверх по Королевскому тракту к Атли – оружейнику из Ванахейма.

Ступив в мягкий полумрак лавки, Конан невольно остановился, залюбовавшись великолепными изделиями мастера, развешанными по стенам. Чего только тут не было! Кольчуги с длинными и короткими рукавами, до колен и короче, тускло серебрившиеся в слабом свете и вороненые... Шлемы и щиты всевозможных очертаний и размеров... Топоры и секиры... В углу даже примостился огромный шипастый шар на цепи – боевой молот, ласково и несколько издевательски именуемый «утренней звездочкой».

А мечи... Конан невольно застонал от восторга и сожаления, что не может скупить всю лавку. Особенно его притягивал клинок чуть меньше роста человека, по праву занимавший центр стены – широкий, прямой на северный манер, сталь тройной проковки, на рукояти свернулся посеребренный дракон, сжимающий в пасти маленький неграненый алмаз. Завороженный, варвар снял меч со стены и для пробы взмахнул им несколько раз. Отличная балансировка... Атли явно умеет делать хорошие вещи.

Конан с грустью вспомнил меч, выкованный из «стрелы Индры» и сбалансированный еще лучше, с сожалением вздохнул и вернул клинок на место.

– Что, не по карману, киммерийский оборвыш? – раздался у него за спиной веселый бас.

– Не мешай мне считать деньги, ванахеймский медвежонок, – с достоинством парировал Конан и обернулся.

Кузнец Атли оказался могучим мужчиной. Уж на что варвар был не гном и не задохлик, но рядом с ваниром выглядел почти мальчиком. Руки кузнеца, поросшие густым рыжим волосом, напоминали корни дуба-великана, а еще более волосатая грудь могла сравниться по ширине с трактирным столом. Лицо Атли до глаз заросло бородой (опять же рыжей), плавно переходящей в густую встрепанную шевелюру. Наружу торчал лишь кончик вздернутого носа да блестящие веселые зеленые глаза. Из одежды на кузнеце был длинный кожаный фартук со следами многочисленных ожогов.

– Ну, – пророкотал Атли, скрестив руки на груди. – За чем пожаловал?

Конан, глядя на его огромные ладони, с некоторым ужасом подумал, что, пожалуй, кузнец вполне способен обхватить его далеко не тощую шею одной своей лапицей. Да... Такими кулаками хорошо камни дробить, не говоря уж о столь хрупкой вещи, как человеческие головы...

– Мне нужна хорошая двойная кольчуга – лучше всего вороненая – и аквилонский легкий шлем без забрала, – после некоторого размышления проговорил варвар. Атли кивнул, шагнул к стене, поднял крышку огромного сундука и долго гремел железом, доставая и раскладывая на столе кольчуги. Сверху он водрузил несколько шлемов и сделал приглашающий жест – мол, выбирай.

Киммериец подобрал себе небольшую кольчугу примерно до середины бедра и с короткими рукавами, а также округлый вытянутый шлем с поносьем и пучком белых перьев на макушке.

– А меч ты как, брать не собираешься? – ехидно поинтересовался ванир, когда Конан почти без сожаления выложил тридцать золотых, забрал свои приобретения и собрался уходить.

– У меня на такой не хватит денег, – честно признался варвар и неуверенно предложил: – Хотя... Давай поменяемся – я тебе свой старый меч и двадцать золотых, а ты мне отдаешь этот клинок.

– Стоило бы с тобой поторговаться, – задумчиво протянул Атли. – Да ладно... Люблю, когда лучшие вещи из моего собрания попадают в руки настоящих воинов. Идет! Ножны, так и быть, получишь бесплатно.

Обрадованный Конан мгновенно отцепил свой старый меч, перекинув его вместе с изрядно похудевшим кошельком Атли, а сам бросился за красавцем-клинком, точно тот должен был вот-вот исчезнуть.

– Да, кстати, – спросил кузнец, вешая бывшее оружие киммерийца на стену. – Ты куда собираешься, ежели это не тайна?

– В Пограничье, караван охранять, – отозвался Конан, больше увлеченный разглядыванием меча, чем разговором.

– У-у, – мрачно-сочувствующе протянул Атли. – Это ж такая дыра... А сейчас там еще и осенние дожди начнутся...

– Что значит – «еще»? – варвар наконец оторвался от своей покупки и заинтересованно взглянул на кузнеца. – А что такое случилось? Опять король сменился или кто-то изнасиловал царственного быка?

Ванир рассмеялся:

– Да нет, похуже. Все Приграничье полный месяц стоит на ушах – там что ни день, то новые трупы, да в таком неприглядном виде... Народ вопит – «Оборотни!» Совсем недавно ушел туда купец, с одной телегой и тремя охранниками, и сгинул без следа. Их, правда, отыскали через месяц, но те, кто нашел тела, имели бледный вид и напились до зеленых демонов в первом же встречном кабаке. Так что подумай, киммериец, прежде чем совать голову в пасть медведю. Хотя вы, Кромовы выкормыши, вовсе не думаете, потому как нечем...

– Меня сказочками про оборотней не напугать, – отмахнулся Конан, пропустив мимо ушей подначку хозяина. – Да и на большой отряд они вряд ли решатся напасть. А за меч и предупреждение спасибо. Бывай, Атли. Еще заеду в Нумалию – загляну в гости.

– Счастливо, киммериец, – кивнул кузнец. – Удачи. А за спину все же поглядывай – вдруг оборотни действительно бывают...

Через два дня Конан на рассвете пришел к Северным воротам. Там уже заканчивали грузить на телеги последние мешки и тюки, а будущие охранники шумно знакомились друг с другом. Выяснилось, что кроме туранца Омала и киммерийца, охранять караван будут двое уроженцев Бритуни, человек из Пограничья, а остальные – местные, немедийцы. Среди них Конан, к своему удивлению, заметил смутно знакомую физиономию.

– Эй, Регарат! – окликнул он высокого, худошавого немедийца с безобразным шрамом через все лицо.

Тот удивленно оглянулся, озадаченно уставился на варвара, и на его лице попеременно отразились сначала искреннее недоумение, затем напряженная работа мысли, и, наконец, радость узнавания.

– Конан! Ты ли это? – восторженно заорал Регарат. – Нет, ну надо же! Сколько лет прошло! А помнишь бордель в Аграпуре?

– Ты не изменился, – с притворной грустью покачал головой киммериец. – Все такой же бабник...

Они крепко пожали друг другу руки, хотя почти два десятка лет назад, во время службы в туранской армии, не были большими друзьями. Просто однажды вместе с другими солдатами учинили грандиозную попойку, завершившуюся погромом борделя «Под полной луной».

– Ну, и чем ты занимался после того, как тебя застучал муж той шлюхи и пинком под зад выставил из Турана? – жизнерадостно поинтересовался Регарат.

– Лучше не спрашивай, – отмахнулся Конан. – Всем понемногу. Бродил по свету, и наемником был, и пиратом, и телохранителем, и еще кем-то. Уже не помню... Лучше о себе расскажи.

– А что я? Ушел из армии лет пять назад – надоело до омерзения, – пожал плечами Регарат. – Вернулся на родину, а теперь, как видишь, нанимаюсь сопровождать караваны. Платят прилично, работенка не пыльная, только скучная...

Тут Конана окликнул Омал, и киммериец вежливо – насколько мог – раскланялся со старым знакомым, клятвенно пообещав по дороге рассказать о прошедших годах и своих странствиях. Туранец придирчиво осмотрел снаряжение варвара, одобрительно кивнул, ткнул в сторону стоявшего у коновязи крепкого каурого мерина со словами: «Это твой» и потащил представлять хозяину каравана – унылого вида немедийцу по имени Торик.

Наконец, после изрядной суеты, беготни и криков все было готово: погонщики залезли в телеги, охранники заняли свои места – Конану выпало ехать позади второй повозки – и хмурые стражники распахнули перед ними Северные ворота Нумалии.

* * *

Вспомнив все это, Конан пожалел, что не послушал предостережений Атли. Погода выдалась на редкость отвратительной, вдобавок с полночной стороны подул холодный пронизывающий ветер, а караван как раз вышел из леса на открытую холмистую равнину и теперь в лицо людям летели хлесткие струи ледяного дождя.

«Да, – подумал Конан. – А ведь здесь живут люди... Как-то они справляются?»

Позади послышалось шлепанье копыт по раскисшей дороге и варвара нагнал мокрый и грязный по уши, а оттого еще более язвительный Регарат.

– Как ветерок? – с сарказмом спросил он. – А сейчас еще как прыгнет на тебя кто-нибудь из зарослей... И чего ради я согласился переться сюда?

– Помолчи, – оборвал его киммериец. – Это всего лишь глупые слухи.

– Ты что, не слышал рассказа очевидца? – непритворно удивился Регарат и замотал головой, стряхивая с капюшона плаща скопившуюся воду.

– Нет, – огрызнулся Конан. – Какого еще очевидца?

– Который трупы видел... А-а! – понимающе протянул немедиец. – Помнишь, вчера в деревне на ночлег останавливались? Да, куда тебе вспомнить – ты ж как ввалился в дом, у хозяина жбан пойла, которое они пивом называют, забрал и нажрался как свинья. И весь вечер песни распевал, точнее, разывал, потому что голос у тебя как труба, а слуха вовсе нету!

– Можно подумать, ты сам этого пива не пил, – усмехнулся варвар, объезжая глубокие рытвины на дороге, заполненные мутно-коричневой водой. – Кто полбочонка вылакал, я один, что ли?

– Так вот, – не обращая внимания на реплику киммерийца, продолжил Регарат. – Пока ты был, как голодный волк на луну, мне рассказали кучу прелюбопытнейших историй.

– Ага, – с подозрительной готовностью согласился Конан. – Значит, целую кучу. А кто тебе их рассказывал – хозяйская дочка или жена?

– Да нет, – сердито отмахнулся немедиец. – Хозяин мне рассказывал!

– Наедине? Такого я за тобой, признаться, не замечал, – назидательно-осуждающе сказал варвар. – Где это ты набрался таких мерзких привычек, в Туране, что ли? И не совестно тебе, а?

– Заткни пасть! Сам извращенец! – возмутился Регарат. – Слушай лучше и не перебивай. Хозяин говорил, что у них в деревне оборотни вырезали семью из шести человек, жившую в доме на окраине. Их вопли слышали все, но выйти и помочь не решился никто. Заперлись на все засовы и дрожали, а утром кое-кто рискнул зайти в дом. Этот мужик, наш хозяин, был в их числе, и до сих пор об этом жалеет. Более жуткого зрелища ему видать не приходилось. Внутри все было залито кровью, даже потолок, и повсюду растерзанные трупы, один страшнее другого. Дом сожгли, а его до сих пор кошмары мучают. А на всех телах, как он утверждал, были следы волчьих зубов... Что теперь скажешь, тоже сказочки?

– Дерьмо, вот что, – кратко и зло отозвался Конан. – Я раньше сталкивался с оборотнями, но те были вполне приличными тварями...

– Это когда ж ты успел? – удивился Регарат.

– Я дважды проезжал через Пограничье лет десять назад, – пояснил киммериец и поерзал в седле. – Вот тогда и умудрился.

– Ну и что с того? – по-прежнему недоумевал Регарат.

– Есть такая поговорка – «Митра троицу любит»... – неохотно сказал Конан.

– А-а, – понял немедиец. – Значит, это будет твоя третья встреча с Пограничьем и с оборотнями. Поздравляю. Наверное, они тебя с нетерпением поджидают...

Некоторое время они ехали молча. Тишину нарушал лишь непрекращающийся тихий шум дождя, равномерный скрип колес и шлепанье копыт лошадей по жидкой грязи. Притихший Регарат неожиданно усмехнулся и самодовольно сообщил:

– А с дочкой хозяина я все-таки прогулялся на сеновал!

Конан только головой покачал, но затем рассмеялся:

– Бабника могила исправит! Смотри, нарвешься когда-нибудь, охотник за юбками...

Караван тем временем неспешно втягивался в небольшую узкую ложбину между двумя высокими холмами, склоны которой заросли густым ельником.

«Отличное место для засады,» – подумал Конан, поглядывая по сторонам, и моментально пожалел о несвоевременной мысли.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой варвар сначала едва не лишается головы, а затем попадает на званый обед

Словно в ответ на мысли варвара окрестный воздух наполнился пронзительными боевыми кличами и из-за мокрых елок на оторопевшую охрану каравана обрушились невесть откуда взявшиеся разбойники. Земля от непрекращающихся дождей размокла, нападавшие скользили по ней, как по льду, то и дело падая и ругаясь. Конан успел слегка удивиться боевой раскраске лиц: вымазанные чем-то черным лбы и виски, на левой щеке три белых полосы, тянущихся к углу губ. Дальше удивляться стало некогда.

К постоянно морозящему дождю добавился ливень длинных и тяжелых боевых стрел с широкими иззубренными наконечниками, предназначенными для того, чтобы калечить врагов. Один из немедийцев схватился за горло и с булькающим хрипом опрокинулся с коня, заметавшегося по долине, волоча за собой тело почившего хозяина.

«Предупреждали же дурака – одень защитный воротник!» – сердито подумал варвар, но тут возница его телеги выпустил поводья и дико закричал, хватаясь за ногу – глубоко вошедшая стрела распорол беду, кровь так и хлестала... Вознице не пришлось долго мучиться – сразу две летящие смерти прошили ему грудь и шею, и парень мешком свалился под колеса. Телега, увлекаемая неизвестно куда неуправляемыми конями, подскочила, переехав тело, и покатила дальше.

– К бою! – непонятно зачем завизжал Омал. Он успел вытащить свой сильно изогнутый лук и теперь непрерывно пускал стрелы, иногда даже попадая в разбойников. Кто-то из охраны сумел справиться с неожиданным потрясением и схватиться за оружие, и нападающие понесли первые потери: один получил стрелу в живот, рухнул на колени, попытался подняться, но следующая стрела вонзилась ему в глаз и грабитель повалился в грязь. Некоторое время труп продолжал скользить вниз, затем застрял между деревьев.

У Конана и Регарата луков не было, а потому они, спешившись, прикрывали укрывшихся за телегами щитами стрелков. Обмен стрелами продолжался ровно столько времени, сколько потребовалось нападавшим для лихого спуска по мокрому склону. Затем волна грабителей докатилась до остановившихся и сбившихся в кучу повозок и охране пришлось взяться за мечи. Последний залп лучников выбил из вражеских рядов около пяти нападавших, но их все равно оставалось еще порядочно.

– Покажем черномазым свиньям! – заорал Конан, отбрасывая ставший похожим на взъерошенного ежа щит и выхватывая из ножен свой новенький великолепный меч, пока ни разу не бывавший в деле. Варвару вразной откликнулся дружный рев двух десятков глоток и схватка началась.

Первый противник киммерийца попытался с разбегу снести варвару голову, Конан без особого труда уклонился и просто выставил перед собой клинок. Дико блестящие на черном лице глаза расширились от ужаса, но остановить разбег нападавший уже не мог и всей тяжестью налетел на меч. Лезвие, проскрежетав по ребрам и хребту, вышло из спины, разбойник захрипел, захлебываясь кровью. Конан пнул его ногой, вытягивая меч, с разворота снес голову еще одному грабителю, прыгнувшему на него с телеги, и бросил взгляд по сторонам. К нему неслись двое чернолицых, бестолково размахивая кривыми саблями. Они не представляли никакой опасности, и с ними удалось справиться довольно быстро.

Зато справа от варвара происходило нечто странное...

Парень из Пограничья, имени которого Конан так и не узнал – на привалах тот держался особняком, на вопросы отвечал односложно и не стремился завести друзей – в самом начале

боя ударил мечом в спину одного из бритунийцев и теперь сражался со вторым. У того по лицу катились слезы и сквозь плотно сжатые зубы прорывались короткие всхлипы – кажется, бритунийцы были братьями или кровными родичами. Желание отомстить мешало парню собраться и следить за противником, он пропустил обводящий удар в бок и теперь, теряя силы и кровь, опустился на колено, все еще пытаясь отражать сыпавшиеся на него удары.

– Держись! – крикнул Конан, парируя удар напавшего на него разбойника. Меч с пронзительным визгом прошелся вдоль лезвия сабли, нападавший не удержал оружия и с изумлением уставился на свои пустые руки, даже не заметив, что кончик клинка слева направо перечеркнул его живот. Оставив неудачника подбирать собственные кишки, скользкой лавиной высыпавшиеся наружу, варвар перемахнул через качнувшуюся телегу, и, видя, что не успевает – предатель уже заносил свой меч над упавшим бритунийцем, свободной рукой выхватил из ножен кинжал, широко размахнулся и метнул его. Длинное лезвие мелькнуло в воздухе, точно и глубоко войдя сзади в шею предателя, тот качнулся, выронил меч и с приглушенным воем повалился на землю.

– Туда тебе и дорога, – мрачно проворчал Конан, но тут на него самого навалились двое – один низенький и толстый с огромным хищно изогнутым топором, второй высокий и широкоплечий, вооруженный коротким мечом. Увернувшись от меча, варвар перехватил руку толстого разбойника, железной хваткой стиснув его запястье. Захрустели ломающиеся кости, грабитель, выпустив топор, зашелся в истошном крике. Киммериец толкнул его на растерявшегося напарника, сбив того с ног, подхватил оставшийся без присмотра топор и запустил им в забравшегося на телегу и вспарывавшего мешки чернолицего разбойника, раскроив тому череп.

Высокий тем временем выкарабкался из-под рухнувшей на него туши потерявшего сознание толстяка, подхватил меч, опустив его на уровень живота и, не торопясь, мягким кошачьим шагом пошел вокруг Конана. Поворачиваясь за ним, варвар постарался придать себе обманчиво-расслабленный вид – разбирающийся в искусстве боя без труда сообразит, что его дурят, а этот безмозглый новичок наверняка купится, решив, что противник потерял бдительность.

Так и произошло – с казавшимся ему неожиданным и устрашающим воплем грабитель бросился на киммерийца, слишком высоко занеся меч. Конан невозмутимо отвел удар в сторону, его клинок мелькнул светлой полосой, развалив противника почти надвое. Больше на него никто пока не напал, а потому варвар смог оглядеться. Оценив обстановку, он недовольно скривился.

Положение складывалось не слишком удачное – охрана каравана схватку проигрывала. Чернолицые прикончили почти половину стражей, и временную передышку получил только Конан – остальные дрались против двух-трех нападавших одновременно. Кое-кто из грабителей уже взобрался в телеги и лихорадочно копался в сложенных там тюках. Регарата прижали к повозке трое разбойников, но он пока держался, отбивая сыпавшиеся со всех сторон удары и не замечая множества мелких, сочащихся кровью ран.

– Рег, я иду! – рявкнул Конан, налетая слева на окруживших приятеля чернолицых. Раз – и с перерубленным горлом падает первый, два – второй противник, держась за распоротый бок, валится в грязь, три... Третьего, впрочем, не случилось – нападавший с воплем ужаса бросил меч и помчался, оскальзываясь, вверх по склону.

– А пораньше не мог явиться? – поинтересовался Регарат, тяжело приваливаясь к борту телеги и сплевывая кровь. – Они б меня сейчас разделали, как свинью в базарный день! Я ору, ору, а ты точно оглох! Проклятье, да что ж за денек такой сегодня выдался...

Не отвечая, Конан побежал к бывшей голове обоза, где дрался Омал.

Двое сражавшихся рядом с капитаном охраны обоза немедийцев уже погибли, а на него самого напали четверо. Понимая, что ему грозит верная гибель, туранец вдруг отскочил назад и бросил саблю, невнятно пробормотав:

– Я сдаюсь...

Один из нападавших подобрал вонзившийся в землю клинок и властно обратился к бывшему начальнику стражи:

– Нам не нужны пленники. Ты либо с нами, либо против. Выбирай – либо ты умрешь, либо возьмешь меч и будешь сражаться на нашей стороне. Ну?

Омал побледнел и попятился. Было видно, что в душе у него идет нешуточная борьба, но желание жить пересилило голос совести. Он потянулся за своей саблей:

– Я с вами.

– Хорошее решение, – хищно ухмыльнулся разбойник, возвращая туранцу оружие. – Убей северянина, и я поверю тебе до конца. И смотри мне... – он выразительно провел пальцем по горлу.

Омал покорно кивнул, вздохнул и отправился разыскивать в царящей возле разгромленного обоза суматохе Конана. Разбойник – похоже, это был предводитель шайки – посмотрел вслед уходившему туранцу, презрительно фыркнул и подозвал стоявшего неподалеку чернолицего:

– Ступай за ним. Когда бой завершится, прикончи его – он предал своих, при случае предаст и нас.

Омалу не понадобилось долго искать – он почти в упор столкнулся с Конаном, только что прикончившим особо рьяного нападавшего и остановившимся возле телеги передохнуть.

Только врожденное чутье спасло киммерийца от летящей к его шее туранской сабли – он услышал стремительно приближающиеся сзади шаги и резко кинулся вниз и влево. Клинок пронзительно просвистел над варваром, оцарапав плечо, и вдобавок Конан с ног до головы искупался в липкой грязи. Перекатившись, он вскочил на ноги и возмущенно заорал:

– Омал! Ты, ублюдок, лотоса обкурился, что ли? Чего на своих бросаешься?

– Умри! – туранец попытался достать его коротким выпадом справа.

Конан парировал удар и перешел в наступление. Широкий и прямой клинок скрестился с изогнутым и более легким, звук скрежещущего железа терзал уши, но еще более киммерийца жгло двойное предательство за один день. Вокруг умирают люди, с которыми ты делил кусок хлеба и место у костра, а такие двуличные мерзавцы думают только о себе, как бы спасти свою никчемную шкуру. Холодная ярость душила Конана, но внешне он оставался спокойным, сосредоточив все внимание на мелькающем клинке противника.

Тем временем Омал понял, какую ужасающую глупость совершил, не прикончив варвара первым же ударом и ввязавшись с ним в безнадежный поединок. Этот дикарь должен быть вымотан до предела, а он вопреки всему двигался быстрее туранца, не подпускал его ближе, чем на шаг, все время оказывался не в том месте, где стоял мгновение назад, а после его сокрушительных ударов Омал еле удерживал саблю в руках. Жуткий, сковывающий движения страх за свою жизнь родился где-то внизу живота и стремительно охватил все тело. Туранец шарахнулся назад, не то вскрикнул, не то взвыл, бросил свою саблю в лицо Конану и неуклюже побежал к лесу.

Киммериец не преследовал его – защитников каравана осталось всего шестеро, а нападающих – не меньше двух десятков. Почти все из охранников были ранены – кто легче, кто тяжелее – и все понимали, что уйти им отсюда живыми не удастся. Остается только прихватить с собой на Серые Равнины как можно больше врагов...

Внезапно один из разбойников коротко вскрикнул, схватился за шею, навывлет пробитую тяжелой стрелой и шлепнулся в грязь. Остальные начали тревожно оглядываться по сторонам и отступать к безопасному лесу.

В ставшую полем боя долину рысью влетело с полсотни всадников. Конан отер кровь с лица – ему рассекли лоб – и всмотрелся. Похоже, королевское войско... В кои веки вовремя.

– Уходим! – пронзительно завизжал кто-то, и нападавшие сломя голову понеслись вверх по склонам, стремясь добраться до зарослей. Однако так просто сбежать им не удалось – солдаты разделились на два отряда, отрезая разбойников от спасительного леса. Началась бойня.

Конан видел, как догнав одного из беглецов, стражник приподнялся в седле, замахнулся и опустил меч, разрубив бегущему человеку голову. Дальнейшее варвару было неинтересно и он устало опустился прямо в грязь, прислонившись к колесу телеги. Остальные уцелевшие охранники сделали тоже самое, и теперь равнодушно ждали, что будет, медленно приходя в себя. Конан пересчитал их: Регарат, Эндоло, Терин, Галеран и Сорус. Все покрыты коркой запекшейся крови и грязи, изможденные лица, пустота в глазах... Мы выстояли, мы не запятали свою честь, а что с того?.. До чего же все надоело... Поспать бы хоть немного...

Из-под повозок начали выбираться погонщики и купцы. Все еще бледные и трясущиеся от страха, они дикими глазами озирали поле битвы. По всей долине, выглядевшей так, будто здесь развернулась грандиозная битва, валялись трупы – тринадцать охранников, пятеро погонщиков и около трех десятков разбойников. Многие тюки с товарами оказались распотрошены, и, хотя унести грабители смогли немного, большинство товаров теперь оказалось раскидано по всей ложбине или безжалостно втоптанно в грязь.

К притихшим охранникам подъехал полусотник.

– Вы храбро сражались, – несколько напыщенно провозгласил он. – Благодаря вашему мужеству почти полностью уничтожена шайка чернолицых, вот уже три года грабившая путников по всему Пограничью. Примите наше почтение и благодарность. Мы доведем караван до места, а вы можете спокойно отдыхать, – с этими словами он тронул лошадь с места, направляясь к своим подчиненным, изловившим уцелевших разбойников и собиравшихся вздернуть их на ближайшем достаточно крепком дереве.

Регарат осторожно пошевелился, скривился и попытался ухмыльнуться. Появившаяся на его лице улыбка больше напоминала оскал трупа:

– Во, какие нам почести... Сподобились...

Сорус тихо застонал и съехал по колесу повозки, сложившись почти вдвое. Сидевший рядом Эндоло дотянулся до его шеи, безуспешно попытался нащупать бьющуюся жилку и всхлипнул:

– Он умер...

Наступило долгое и угрюмое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием уставших людей. Наконец, Конан с мрачным торжеством произнес:

– Он держался как мужчина и умер на поле боя. Что может быть лучше, чем погибнуть, сражаясь? Теперь его примет к себе Кром и посадит в своих чертогах за одним столом со многими славными воинами...

– Он же не был киммерийцем, – тихо напомнил Терин.

– Настоящие воины, – с неожиданно прорезавшимся в голосе пафосом произнес Конан и даже слегка привстал, – будь они киммерийцами или нет, всегда попадают к Крому!

– Нам всем одна дорога – к Нергалу, – еле слышно пробормотал Регарат и погромче добавил: – Конан, ты чего, свихнулся?

К счастью, его не услышали – рядом прозвучал чей-то громкий одобрительный голос:

– Хорошо сказано, варвар!

Конан неохотно поднял голову. Перед ним на приплясывающем коне сидел человек средних лет с седыми вислыми усами, маленькими светлыми и очень пронизательными глазами, некогда прямым, а нынче сломанным в двух местах носом. От правой скулы к решительно выставленному подбородку вился тонкий белый шрам.

– Отвали, – устало сказал киммериец. – Дай хоть миг не видеть ваших рож.

– Скажи хоть имя свое, герой, – с некоторым ехидством в голосе попросил незнакомец. – Чтобы мне было о чем поведать внукам...

– Меня зовут Конан, – неохотно отозвался варвар.

– А я Эрхард, десятник пограничной стражи, – представился седой и с интересом уточнил: – Прости, а не о тебе ли складывают байки в кланах Пограничья?

– Какие еще байки? – насторожился Конан.

– Да о могучем северянине с голубыми, как лед глазами, что лет десять назад голыми руками задушил царственного быка, – безмятежно ответил Эрхард. Невольно заинтересовавшиеся охранники каравана начали прислушиваться, а Регарат, несмотря на боль, откровенно захихикал. – Так это был ты?

– Ну, я, – буркнул Конан. О своих похождениях в Приграничье он вспоминать не любил, а теперь еще и все остальные уши развесили... Погодите, а вдруг этот Эрхард знает, что случилось с остальными участниками давних событий? – Кстати, может, ты и королеву Чиенну помнишь?

– Кого-кого? – непритворно удивился Эрхард, вздернув брови. – Какую Чиенну? У нас нынче королем Дамалл.

Настал черед киммерийца удивляться:

– Да что ж здесь за королевство такое? Пятнадцать лет назад я лично помог Чиенне расправиться с мятежным графом Сизамбри и мне казалось, что на ближайшие полвека трон останется в ее руках...

Эрхард рассмеялся:

– А, так ты об этой... Через год ее свергли и продали где-то в Туране в гарем.

Конан с сожалением хмыкнул и спросил:

– Значит, Дамалл оказался удачливее Сизамбри?

– Во-первых, не просто Дамалл, а Его Величество Дамалл, – невозмутимо уточнил десятник. – Во-вторых, Сизамбри был сумасшедшим убийцей, и, в-третьих, Чиенну сместил не он, а Амаран. Но тот тоже недолго удержался на троне... Короче, Дамалл – третий после Амарана.

Конан озадаченно почесал в затылке, пытаясь расставить все услышанное по местам, и огорченно заметил:

– И стоило кровь проливать... А что случилось с Раиной и Декиусом?

– После истории с Чиенной они, по слухам, бежали в Гандерланд, – пожал плечами Эрхард. – Больше мне ничего не известно.

– Становись! – прозвучала отрывистая команда, и десятник, кивнув охранникам каравана, поехал к строящемуся отряду.

Конан и его спутники залезли в выглядевшую наиболее крепкой повозку, перевязали друг друга шелковыми тканями, тут же вытащенными из тюка и нарезанными на длинные полосы, а затем устроились поудобнее и благополучно проспали всю дорогу до «столицы» Пограничного королевства под скрип колес, ритмичное шлепанье копыт и тихий шелест дождя по кожаному верху фургона.

* * *

За прошедшие пятнадцать лет «дворец» королей Пограничья развалился еще больше и теперь казался заброшенным много веков назад. Внешняя стена зияла многочисленными проломами, ворота напрочь отсутствовали – об их давешнем существовании напоминали только проржавевшие петли да гора прогнивших деревянных обломков. Во дворе, наглухо заросшем раскидистыми сорняками высотой в рост человека, еще сохранились почерневшие остовы тех самых казарм, в которых размещалась королевская стража во времена Эллойкаса. Вместе с тем, – отметил Конан, когда повозка загромычала колесами по выщербленным камням двора. –

появилось несколько добротных каменных зданий, по-видимому, служивших заменой древним баракам, а в случае необходимости – заменить приезжим купцам лавки.

Само здание королевской резиденции окончательно разрушилось – крыша кое-где провалилась внутрь, на чудом сохранившихся стенах виднелись следы штурмов – черные пятна копоти, проломы от камней катапульт («Интересно, у кого тут могли быть катапульты?» – мимолетно удивился Конан) и даже отметины от ударов тараном.

Обжитыми казались только места неподалеку от новых построек, все остальное выглядело диким и заброшенным – что, собственно, и было недалеко от истины...

Купцы сразу сняли комнаты в единственной имевшейся в городе гостинице и разложили товары, а пятеро уцелевших в бою охранников отправились к лекарю. Он оказался бритунийцем лет тридцати – мускулистый, светловолосый, хорошо сложенный и совершенно не похожий на лекаря. Тем не менее, он осмотрел всех пострадавших, достаточно умело промыл и перевязал раны, и под конец занялся тем, кому досталось больше всех – Конаном.

– Ну, начнем, пожалуй, с головы, – перевязав царапину на лбу и неглубокие порезы на руках, лекарь добрался до самой нехорошей раны. Уже после бегства Омала киммериец с трудом отразил сильный удар сверху, и клинок противника, скользя по его мечу, глубоко разрубил бедро.

– Да-а... – сокрушенно протянул лекарь, содрав насквозь промокшую и затвердевшую повязку. – Придется шить... Принесите вина, что ли...

Когда шьют рану, кажется, что на нее плещут расплавленный металл, нестерпимая боль буравит мозг, ты впиваешься ногтями в ладонь, перед глазами все расплывается и темнеет, и ты уже не можешь удержать стон. Варвар, казалось, был сделан из стали – он не издал ни единого звука, лишь лицо побелело и покрылось мелкими капельками пота. Когда лекарь закончил, Конан, с трудом выговаривая слова, поблагодарил его, и заковылял на улицу. Его мутило и хотелось поскорее прилечь где-нибудь.

На следующий день всех пятерых охранников пригласил к себе король. Как раз перед приходом капитана королевской стражи с приглашением, заглянул Торик – купец, которому принадлежал караван – и отсчитал каждому из охранников по триста золотых, а также настойчиво предлагал охранять обоз и на обратном пути, а лично Конану – место начальника охраны. Все ответили, что подумают, но, похоже, никому особо не хотелось пережить подобную схватку по второму разу.

...Охранников провели по развалинам во внутренний двор. Здесь у дверей стояла стража и само здание выглядело более-менее целым, хотя сквозь щели в плитах пола уже пробивалась трава да отовсюду ужасно дуло. В тронном зале почти ничего не изменилось, разве что паркет на полу потускнел и покрылся трещинами, а шелковые занавеси выцвели и выглядели просто как грязные тряпки.

Дамалл, нынешний король Пограничья, был молодым человеком не старше двадцати пяти, с небольшой светлой бородкой клинышком, горбатым носом, узкими бледными губами и темными глазами. Глядя на его светлую кожу, лиловые мешки под глазами и помятую физиономию, Конан решил, что правитель – не воин и не полководец. Похоже, король редко выходил за пределы собственного дворца и много пил в последнее время. Короче, всего лишь пешка в руках дворянства, если таковое здесь имеется. Наверняка долго не продержится...

Дамалл поднял голову и внимательно оглядел вошедших.

– Я рад приветствовать героев у себя во дворце, – прозвучал его негромкий, чуть надтреснутый голос. Конан про себя подумал, что Его Величество совсем недавно вылез из грязи в князи и еще не успел освоить обращение «мы», характерное для всех королей.

– Вы, наверное, еще даже не знаете, какое благое дело совершили, – продолжил король и поудобнее устроился на жестком троне. – Но сейчас все можно будет понять! Чернолицые появились у нас лет пять назад, еще во времена моего предшественника Невилла, – он сделал

небольшую, еле заметную паузу, но ехидно ухмылявшийся Регарат немедленно ей воспользовался:

– Ваше Величество, а что с ним случилось? – плохо прикрытую насмешку почувствовали все, в том числе и король.

– Ему отрубили голову, – невозмутимо сообщил Дамалл и пристально взглянул на Регарата. Тот отвел взгляд, но ни капли не смутился.

«Оказывается, этот новоявленный королек не так уж и прост, – подумал Конан. – С ним надо держать ухо востро.»

Следующие слова короля в который раз напомнили киммерийцу, что никогда не стоит судить о людях по их внешнему облику.

– Во времена Невилла я был начальником пограничной стражи и хорошо помню тот день, когда ко мне привели средних лет бритунийца в скромной одежде и с покрытым черной краской лицом. Он заявил, что является служителем некоего Бога с Черным Лицом и хотел бы основать его культ в Пограничье. Как и все поборники новых религий, он нес при этом различную чушь о великих милостях, даруемых его божком. Я подумал, что Пограничью не помешает еще один покровитель и пропустил его, содрав, правда, чудовищный налог за право открыть храм и проповедовать, – король криво усмехнулся.

– Это называется – пустили козла в огород, – буркнул себе под нос Конан.

– Именно так, киммериец, – спокойно подтвердил Дамалл и продолжил рассказ: – Около двух лет все было тихо и мирно. Но потом... Сначала пошли неясные слухи, что в одном из небольших храмов Чернолицых, находящемся в предгорьях Грааскаля, приносятся человеческие жертвы. Об этом говорили шепотом, оглядываясь по сторонам. Затем в один прекрасный, вернее, ужасный и дождливый, как сегодня день, появились шайки Чернолицых с тремя белыми полосами на щеке. Они убивали и грабили всех без разбора, появлялись что здесь, то там, и войскам не удавалось ни поймать их, ни хотя бы выяснить места их укрытий. В отрядах были и вчерашнее крестьяне, которые и за меч-то не знали, с какого конца братья. Решив разобраться во всем поточнее, мы навестили храм. Что творилось внутри – и не передать. Не имею самого малейшего представления, отчего вполне добропорядочный культ превратился в секту убийц, но подозреваю, что без вмешательства черной магии не обошлось. Основоположник культа был принесен в жертву первым, и с тех пор на алтаре не высыхала человеческая кровь... Мы загнали всех Чернолицых внутрь их капища и сожгли его – такой мерзости не было места в наших землях. Однако шайки продолжали нападать. Постепенно их, конечно, истребили, но народ и дворянство были недовольны тем, что такое вообще допустили, и король поплатился головой. На его месте оказался я, так что порой испытываю к Чернолицым нечто вроде благодарности... Впрочем, это не помешает мне вынести любому из этой шайки смертный приговор. А благодаря вам хоть одной трудностью в королевстве станет меньше... – голос короля несколько погрузнел – видимо, беды государства не ограничивались одними чернолицыми, но затем он слегка оживился. – После долгой истории неплохо бы перекусить. Я приглашаю вас всех разделить со мной трапезу.

Король щелкнул пальцами, и тут же слуги внесли в тронный зал заранее накрытый стол. Чего тут только не было, даже редкостные фрукты из Черных Королевств. Конан прикинул, во сколько могла обойтись доставка, и присвистнул – каждый плод, считай, из золота.

Киммериец терпеливо дождался, пока король выпьет первый кубок вина и съест кусочек мяса, и на валился на снесь, как не евший неделю волк. Долгое время в тронном зале раздавалось лишь громкое дружное чавканье и бульканье вина – охранники старались вовсю.

Наконец Конан почувствовал, что если съест еще хоть маленький кусочек, даже икринку, то просто-напросто лопнет. Откинувшись на спинку резного тяжелого кресла, он негромко рыгнул, вытащил кинжал и начал ковыряться в зубах. Последний раз он так обожрался вместе с Касперусом...

«Во был едок,» – с грустью подумал Конан, вспомнив толстяка. На него незаметно навалилась апатичная сонливость, хотелось отыскать где-нибудь тихий уголок, прилечь и заснуть...

Барвар сам не заметил, как начал клевать носом и провалился в беспокойную дрему.

– Эй, Конан, не спи – замерзнешь! – со смешком толкнул его в бок Регарат. – А если спишь – так не храпи!

Киммериец встрепенулся и неразборчиво пробурчал что-то насчет матушки Регарата и всех его предков. Немедиец в ответ только фыркнул.

– Ваше Величество, мы слышали, что у вас королевстве происходят и другие несчастья, – осторожно заметил Эндоло, прихлебывая из высокого бокала красное пуантенское вино.

Дамалл невесело усмехнулся:

– Чего-чего, а бедствий у нас хоть лопатой гребь. Но самое ужасное – это оборотни на границе, – он положил аккуратно обглоданную куриную косточку на тарелку и ополоснул пальцы в расторопно поданной серебряной чаше с водой, где плавали розовые лепестки.

– Разве оборотни существуют? – недоверчиво спросил Терин, также полоща руки.

– А чем еще можно объяснить обглоданные трупы по всей границе с Бритунией? – мрачно прозвучало в ответ.

– Может... – начал было Эндоло, но король резко перебил его:

– Не может! В последнее время они стали продвигаться все дальше вглубь наших земель, а это настораживает... – Дамалл помолчал в раздумье, а затем глухо сказал: – Я сам видел трупы...

Наступило неловкое молчание. Регарат и Конан обменялись многозначительными взглядами. Взгляд первого торжествовал и в нем ясно читалось: «Ну, что я тебе говорил?», взгляд второго был мрачен и выражал покорность судьбе: «Третий так третий...»

Обед завершился, а с ним подошла к концу и аудиенция. На прощание король предложил всем поступить к нему на службу, Конану даже десятником. Все обещали подумать и на том расстались.

Выйдя из полуразвалившегося «дворца», Конан отправился в отведенную ему комнату в казарме, рассчитывая отоспаться. Как ни странно, ему это вполне удалось – он проспал без сновидений до утра следующего дня и проснулся от зверского голода. От роскошного королевского ужина, сожранного накануне, не осталось и следа.

Решив, что даже в таком занюханном городке, как столица Пограничья, должна найтись хоть одна харчевня, Конан отправился во двор. Ему повезло – возле разрушенной стены старого дворца приютилось опрятное здание серого камня, вывеска над дверью которого гласила: «Корона и посох». Рядом с надписью красовались оба вышеуказанных предмета, нарисованных со всем знанием дела.

«Весьма символично для этой страны, – с усмешкой подумал Конан. – Здесь в любое время можно получить королевскую корону и без труда сменить ее на посох нищего с помощью других властолюбцев.»

Он толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел, оказавшись в мягком полусумраке главного зала. Слева от двери находилась стойка – толстая доска, водруженная на пару бочонков – все остальное место занимали длинные столы. За стойкой попивал пиво трактирщик, в меру толстый, и одетый в удивительно чистый белый фартук. Посетителей в столь ранний час было немного, и хозяин мог позволить себе слегка расслабиться. Такие опрятно выглядевшие трактиры Конану раньше почти не попадались, и он с некоторым удивлением оглядел зал. В дальнем правом углу, у стены, молча пили пиво и вино его знакомые – бывшие охранники каравана и купцы Торика. Варвара заметили и замахали руками, приглашая присоединиться. Он подождал, пока трактирщик нальет ему полную кружку и подсел к столу. Его тут же спросили, будет ли он возвращаться обратно с караваном в Немедию, но киммериец отрицательно покачал головой.

Вечером того же дня обоз покинул столицу. С ним ушли Терин, Галеран и Регарат, все сетовавший, что Конан не идет с маленьким караваном и тщетно пытавшийся уговорить варвара сменить решение. Эндоло оставался в Пограничье, решив поступить на службу к королю Дамаллу. Киммериец же собирался через пару дней отправиться в Аквилонию.

Проводив караван до подножия холма, Конан и Эндоло попрощались с друзьями, пообещав обязательно отыскать их в Нумалии при возможном посещении оной. Вернувшись, они засели в «Короне и посохе», где благополучно пропьянствовали почти до полуночи...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой киммериец теряет друзей и делает неожиданное предложение королю

Ночь опустила свою тончайшую вуаль на Пограничное королевство. Неподвижные деревья в густой лесной чаще стали сходны с диковинными существами из сказок и легенд, но бегущему человеку они напоминали только одно – ужасных существ, напавших на него и его спутников. Он спотыкался на бегу и все время затравленно оборачивался, пытаясь рассмотреть что-то в окружающей его полутьме. За его спиной взлетел к безмолвному небу протяжный заунывный вой, подхваченный по всему лесу. Человек судорожно дернулся, зацепился ногой за торчащий корень, упал, но тут же снова вскочил и, тяжело дыша, побежал дальше. Выглянувшая из разрыва в плотной занавеси темных туч бледноликая луна залила мертвенно-призрачным светом причудливые очертания дремлющих деревьев и мечущегося между ними беглеца. Из многочисленных ран человека сочилась кровь, темные капли повисали на высокой траве, отмечая путь преследуемого.

Человек в очередной раз споткнулся, взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, с размаху влетел в колючий кустарник и приглушенно взвыл от боли. Хотелось лечь и спокойно умереть, но жажда жизни пересиливала все, и человек упрямо бежал дальше, не обращая внимания на хлещущую кровь и хрустящий звук в боку – похоже, в схватке ему переломали пару-тройку ребер.

Преследовавший его вой внезапно, точно по отданной кем-то команде, прекратился. Мелькавшие в кустах смутные серые тени, недовольно порывивая, повернули обратно.

Человек выбежал к подножью высокого холма, на вершине которого поднимались развалины крепостной стены и выглядевшие почти целыми здания. Кое-где, пронзая ночную тьму, светились робкие огоньки, зажженные людьми.

– Слава Митре! – с трудом проговорил побелевшими губами человек, добравшись до стены и проковыляв между криво висевших на петлях прогнившими створками бывших ворот. Ему пришлось еще пересечь густо заросший сорняками двор, разыскивая здешнюю гостиницу, и, оставляя за собой темный след, вскарабкаться по узкой и крутой лестнице на второй этаж. Его никто не заметил, и человек, задыхаясь после подъема, всем телом навалился на первую дверь справа. Та оказалась незапертой, и он с грохотом ввалился в комнату.

– Кого там принесло? – раздался в темноте сонный и недовольный голос, затем застучали кремь и кресало, и внезапно разбуженный посреди ночи обитатель комнаты с мечом в одной руке и тусклой масляной лампой в другой склонился над потревожившим его человеком. Тот лежал вниз лицом, и постояльцу пришлось поставить лампу на пол, чтобы перевернуть своего полуночного визитера. Увидев его лицо, он яростно выругался:

– Во имя Крома! Терин!

Терин с трудом открыл глаза. Те силы, что поддерживали его в время безумного бега через ночной лес, уходили вместе с растекающейся по давно немытому полу густой кровью.

– Конан... Я... Я умираю... – слова звучали едва слышно, и киммерийцу пришлось присесть рядом с охранником ушедшего каравана, чтобы расслышать хоть что-нибудь. – Все погибли... И Регарат, и Галеран, и купцы...

– Что с вами случилось? – странно спокойным голосом спросил Конан.

– Оборотни, – с усилием выговорил умирающий. – Они напали на нас, как ночные призраки... Как больно! – Терин мучительно застонал. – Мне уже ничем не помочь... Обещай, что убьешь меня...

– Обещаю, – негромко произнес киммериец. – Ты еще можешь говорить? – Терин еле заметно кивнул. – Тогда попробуй сказать – как они выглядели? Вы прикончили хоть одного?

– Они... Они похожи на волков, вставших на задние лапы... Одному Рег снес голову, а потом они вырвали у него сердце... Что было дальше – не помню... – Терин захрипел, захлебываясь кровью, и сквозь раздававшееся в его горле клокотанье прошептал одними губами: – Ты обещал...

Конан молча поднялся, достал из брошенных на полу ножен карпашский кинжал и одним коротким ударом в сердце прекратил мучения умирающего. Затем все с той же кажущейся неторопливостью завернул тело в содранное с кровати покрывало, вынес из гостиницы и похоронил на склоне холма. Рыть могилу было нечем, да и земля была слишком твердой, а потому Конан просто сложил над погибшим немедийцем невысокую пирамидку из собранных тут же камней и немного постоял над ней. Он прочитал бы какую-нибудь молитву, но варвар никогда не запоминал такие мелочи и считал, что боги – если они есть – сами разберутся, чего заслуживает пришедший к ним человек. И совершенно незачем им указывать.

Единственным надгробным словом, прозвучавшим в глухой полночи над каменным холмиком, было обещание отомстить.

На следующий день весь дворец гудел, как растревоженный медведем улей. Впрочем, было от чего волноваться – в каких-то двух лигах от королевской резиденции растерзали целый караван! Почти сорок человек за одну ночь отправились на Серые Равнины!

Король Дамалл был бледен, но внешне спокоен. Он сделал все, что мог – распорядился выставить стражу на стенах и удвоить патрули на границах. Впрочем – это понимали все, и в первую очередь сам король – подобные меры вряд ли принесли бы сколь-нибудь ощутимый результат. Оборотни напали и бесследно исчезли в лесной глуши, а людям оставалось только вздрагивать по ночам да крепче запирают двери.

Следующим утром Конан вместе с полусотней воинов пограничной стражи побывал на месте гибели каравана. Дорога здесь сужалась, проходя через скалистое ущелье. Россыпи камней подступали прямо к самой дороге, а на выходе из долины начинался густой лес.

«А оборотни явно не глупы, – подумал Конан. – Место выбрано на диво хорошее, как и в той лощине. Основная часть нападавших спряталась за камнями и внезапно обрушилась на голову проезжающим, а тех, кто уцелел и вырвался из ущелья, достали засевшие в лесу... Купцам следовало бы поискать новых путей на полдень, а Дамаллу – вырубить все роци вдоль дорог, иначе по ним скоро станет совсем невозможно проехать.»

Телеги и добро нападавшие не тронули – ни один мешок не был вспорот и все сундуки по-прежнему крепко закрыты на всякие замки. Лошади частью растерзаны, а те, которым повезло, оборвали постромки и разбежались по всей округе.

Зато из четырех десятков людей не ушел никто. Даже многоопытного Конана проняло зрелище сотворенной в долине резни. Двадцать с лишним лет назад он в числе других киммерийцев штурмовал аквилонский форт Венариум, там не осталось ни одного живого человека, но, по крайней мере, северяне убивали честно, обычным оружием! А тут... Перегрызенные и разорванные шеи, вспоротые животы, разбросанные по грязи полусъеденные внутренности, обглоданные руки и ноги...

Конану казалось, что он уже повидал все возможные зверства, да и сам не раз и не два убивал, не испытывая особенных мук совести, однако такое изуверство ему доселе не встречалось. Варвар почувствовал, что его подташнивает и отвернулся, оперев пристальный взгляд в вершины покачивающихся темно-зеленых елей.

Солдатам пришлось еще хуже. Копать одну общую могилу на всех было нечем да и негде – вокруг либо скалы, либо твердая лесная почва – а потому десятник принял единственно верное решение: сложить все трупы в телеги и сжечь. Стражники, стараясь лишний раз не смотреть на покойников, перетаскивали разодранные в клочья останки и забрасывали в повозки...

Конан мотнул головой, приходя в себя, и отправился разыскивать Регарата. Тела немедийца не было возле загроздивших ущелье телег, где пало большинство из охранников, и варвар прошел дальше, внимательно вглядываясь в россыпи коричневатых валунов. Он нашел своего друга возле самого выхода из долины – Регарат сидел, прислонившись к камням и низко опустив голову на грудь, точно решил остановиться и передохнуть в дальней дороге. По странной прихоти оборотни не тронули его труп. Киммериец осторожно приподнял голову Регарата и заглянул в остекленевшие выкаченные глаза. В них стояла ненависть и смертная мука, из прокушенной губы на подбородок вытекли и засохли темно-красные струйки крови. Взгляд Конана упал на грудь немедийца – слева зияла огромная развороченная дыра с торчащими наружу обломками костей. «Они вырвали ему сердце...»

Варвар закрыл погибшему глаза и некоторое время, опустошенный, сидел рядом, бессмысленно смотря куда-то вдаль. Он не заметил, как подошли собирающие тела солдаты и в нерешительности остановились. Немного потоптавшись с ноги на ногу и пошептавшись, один из них, подталкиваемый остальными, неуверенно тронул Конана за плечо:

– Господин...

– Убирайтесь, – не оборачиваясь, зло бросил киммериец. – Я сам принесу его.

Когда все останки погибших в ущелье были собраны и сложены в телеги, Конан поднял застывшее тело Регарата и, медленно ступая, понес его к огромному костровищу. Солдаты боязливо расступались перед ним. Киммериец смотрел прямо перед собой, и люди, кто случайно сталкивавшиеся с ним взглядами, поспешно отворачивались – холодные, светло-синие как лед на вершинах Киммерии глаза варвара излучали лютую ненависть.

Конан смотрел, как разгорающееся пламя весело охватывает просмоленное дерево и человеческие тела. Постоянно лившийся мелкий занудный дождь внезапно прекратился, и погребальный костер вспыхнул, стоило десятнику поднести к нему наскоро скрученный из пакли факел. Яркие оранжевые языки становились все выше и сильнее. Чувства киммерийца постепенно успокаивались. Его огорчила смерть Регарата, но не только потому, что немедиец был его хорошим знакомым. Куда больше варвара тревожило то обстоятельство, что его соратник пал от лапы гнусного порождения черной магии. А когда имеешь дело с магией, особенно черной – очень легко потерять душу. Такого Конан никогда не оставлял безнаказанным.

К несколько возвышенным мыслям о мести примешивалась неизвестно откуда выползшая, но очень настойчивая и практичная мыслишка – а не получится ли на этом деле немного подзаработать? Дамалл наверняка в ближайшее время затеет устройство всеобщей облавы на оборотней. Вдруг он станет платить за каждое убитое чудовище золотом по весу?..

Вернувшись во дворец, Конан сразу направился к королю. Испросить аудиенцию не составило труда, свое предложение варвар как следует обдумал еще на обратной дороге, а потому без особых предисловий начал:

– Мой господин, сколько ты мне заплатишь за то, что я избавлю Пограничье от оборотней?

Дамалл ошарашенно уставился на него, точно киммериец заявил, что недавно получил лично от Митры в подарок пару десятков молний и собирается испробовать их на терзающих страну оборотнях.

– Ты в одиночку берешься избавить Пограничье от этой напасти? – недоверчиво переспросил король. – Ладно, я не спрашиваю, каким образом ты это сделаешь. Но, если у тебя получится, я выскребу казну до дна, а там наберется не меньше пятидесяти тысяч золотом!

Теперь настал черед варвара удивляться:

– Пятьдесят тысяч? Я и не знал, что опасность настолько велика! («И что занюханное Пограничье так богато!» – добавил он мысленно.)

– Понимаешь, – медленно начал Дамалл. – Дело вот в чем... Здесь, в Пограничных Землях, народ, а главное – правители мелких феодалов решают: будет король править или нет. И, если избранного ими государя преследуют неудачи или он не может навести хоть какой-то порядок

в стране, его просто убирают и никакая охрана правителя не спасет... Впрочем, ты и сам это прекрасно знаешь, – с кривой полуулыбкой добавил король. – Шайки Чернолицых лишили трона Невилла. Обратни, если я не смогу в ближайшее время ничего предпринять, лишат трона меня. Так что лучше обложить страну на пару месяцев налогами и заплатить тебе любую просимую сумму, чем чистить выгребные ямы при новом короле. И это в лучшем случае...

Конан усмехнулся про себя и добавил:

– Но мне потребуются помощники.

– Сколько? – с готовностью спросил король, поняв, что варвар все же не сошел с ума и не собирается в одиночку гоняться за оборотнями. – Сотня, две, три?..

– Зачем мне столько? – недоуменно пожал плечами киммериец. – Вполне хватит и одного десятка. Думаю, это будет десяток Эрхарда...

Король недоверчиво посмотрел на Конана и уточнил:

– Ты уверен, что справишься? Десять человек – маловато будет.

«Да, – подумал киммериец. – Спокойная жизнь во дворце явно не идет на пользу Дамаллу. Он уже забывает самые простые вещи!»

– Государь, ты некогда служил на границе, – осторожно начал варвар. – Какой отряд легче спрятать? Кем проще командовать в бою? Кто подвижнее – десяток или сотня? Я вообще бы пошел один, но кто-то должен на всякий случай прикрывать мою задницу...

Дамалл выглядел несколько смущенным:

– Об этом я не подумал. Когда безвылазно торчишь в этой развалюхе – мозги начинают заплывать жиром, – он с неожиданной силой и злостью ударил по подлокотнику трона. – Хорошо, бери Эрхарда и его людей. И... – он вдруг резко поднялся. – Удачи тебе, киммериец.

– Ожидай хороших вестей, король, – с пафосом произнес Конан. – И постарайся удержаться на этом стуле, пока я не разгребу все скопившееся в стране дерьмо...

Король покачал головой, с ироничным восхищением поглядел на задравшего нос варвара и словно в раздумье произнес:

– Может, голову тебе отрубить, трепло?.. Ты все ж думай, с кем разговариваешь, я тебе не дружок-собутыльник.

Конан на всякий случай склонил голову, чтобы Дамалл не видел его ухмылки. А вдруг действительно голову отрубить прикажет? Жалко ведь... Тех, кто приказ выполнять будет.

– Прости, мой господин, случайно вырвалось, – теперь никто бы не расслышал в голосе киммерийца и тени насмешки.

Король засмеялся:

– Хватит вешать мне лапшу на уши и разыгрывать смирную овечку! Убирайся с глаз долой и не возвращайся без головы верховного оборотня или кто у них там за главного... – он указал рукой на дверь. – Амуницию и припасы возьмете на казарменном складе.

Конан снова поклонился, и, веселясь от души, покинул гостеприимные покои короля Пограничья. Шагая через развалины старого дворца, он думал о том, что Дамалл вел себя как-то слишком панибратски. Киммериец понимал – за кажущейся веселостью король прятал страх. Страх потерять теплое и уютное местечко на троне. Ну что ж, поможем ему не перейти в золотари или мусорщики...

Погода на улице опять испортилась – зарядил промозглый ливень, и, как ворчали два стражника у выхода, не меньше чем на неделю.

Конан пинком распахнул тяжелую дубовую дверь дворца, обитую медными полосами и бронзовыми, уже позеленевшими от старости заклепками. Порыв ветра немедленно швырнул в лицо мелкие ледяные брызги. Киммериец, прикрывая голову рукой, зашлепал по лужам в сторону «Короны и посоха», проклиная про себя всех богов и их матерей, а также собственные дурацкие представления о чести, мести и прочих высоких материях...

Стражники сочувственно посмотрели ему вслед, поежились и плотно закрыли створки, оградив себя от непогоды. Тот, что выглядел постарше, сказал своему напарнику:

– Повезло парню – в такую погоду, говорят, даже Нергал своих демонов из преисподней не выгоняет.

Молодой согласно качнул головой, поправил меч на боку и мечтательно вздохнул:

– Эх, хорошо сейчас, наверное, в «Короне»...

* * *

Конан зашел в трактир и, отряхнувшись будто собака, оглядел зал. Народу в этот вечер набилось прилично: сменившиеся со стражи солдаты, купцы и охранники караванов, и просто обитатели «столицы», которым было нечем заняться. Все они разногласно орали, тщетно стараясь перекричать друг друга, сплетничали, дулись в кости и нарды, время от времени прихлебывая вино или пиво – в зависимости от вкусов и достатка. Короче, непринужденное веселье было в самом разгаре.

Киммериец не увидел ни одного знакомого лица, зато заметил свободное местечко за столом возле подслеповатого маленького окна. Сначала он собирался спокойно сесть, потребовать ужин с парой кружек местного пива, но быстро сообразил, что царящем здесь гаме даже его громоподобный голос вряд ли будет услышан, а потому начал протискиваться к стойке. Мокрая одежда неприятно прилипла к телу, в сапогах хлюпало, но варвар не обращал внимания на такие мелочи – высохнет.

У стойки столпились самые заядлые пьяницы, и, судя по всему, внимательно за чем-то наблюдали. Раздвинув их могучим плечом, Конан пробился к бочонкам, где застал примерно то, что и ожидал увидеть – между каким-то оборванцем и солдатом пограничной стражи шло состязание: кто больше выпьет. В окружающей притихшей толпе вполголоса заключались ставки. Пока верх брал оборванец – перед ним стояло уже шесть перевернутых кверху доньшиком вместительных глиняных кружек, а перед солдатом – пять. После шестой вояка подозрительно зашатался, поставил кружку мимо стола, блаженно хихикнул и мешком сполз на заплыванный пол, тут же раскатисто захрапел. Зрители разочарованно загудели, а бродяга обвел толпу мутным взглядом осоловелых глаз и прохрипел:

– Ну что, кто еще хочет?

– Я, – неожиданно для самого себя отозвался киммериец. В своей способности перепить кого угодно он не сомневался, вечер не сулил больше никаких развлечений – так отчего бы и не попробовать? – Какие ставки?

– Десять монет и проигравший оплачивает все выпитое, – охотно сообщили ему оживившиеся зеваки.

– Идет, – согласился варвар, швыряя на стойку золотую монету в десять талеров. Трактирщик, хмыкнув, торжественно поставил перед киммерийцем шесть наполненных доверху кружек, украшенных пышными шапками грязно-белой пены, и состязание началось.

До пятой кружки все шло хорошо – у здешнего темного пива был приятный горьковатый вкус – и Конан опрокидывал их одну за другой под сопровождение подбадривающих возгласов зрителей. Шестую варвар тянул уже через силу, а после того, как и седьмая показала дно, оборванец хлопнул по стойке рукой и бодро заявил:

– Хозяин, еще по одной!..

Счет перевалил за двенадцать, и к тому времени вокруг спорщиков собрались почти все посетители трактира, когда позеленевший оборванец с безудержно косящими глазами попытался влить в себя остатки, но не смог, выронил кружку и тяжело рухнул на колени.

– Сейчас блевать будет... – предвкушающе прошипел кто-то в наступившей тишине.

Конану было глубоко наплевать на проигравшего. Он сгреб свой выигрыш и, пошатываясь, побрел к выходу, наступая на чьи-то ноги и отталкивая не успевших посторониться. Душа просила только одного – во двор, в кусты или все равно куда, но только поскорее, прежде чем он лопнет прямо здесь!

Киммериец успел сделать несколько нетвердых шагов, затем потолок и пол завертелись, меняясь местами, стены подернулись туманом и куда-то поплыли...

Затем все резко оборвалось и Конан увидел над собой ухмыляющуюся физиономию Эрхарда.

– Где я? – запинаясь, выговорил варвар, попытался встать, но тут же со стоном рухнул обратно. Голова раскалывалась и вообще было погано.

– В своей комнате, где же еще, – хмыкнул Эрхард. – Ты что, ничего не помнишь?

Киммериец насторожился. Всякий раз, когда он слышал подобные слова, выяснялось, что он натворил кучу всяческих безобразий и теперь по городу рыщет не один десяток донельзя разозленных человек, желающих заполучить его голову... или кошелек, что было ничуть не лучше.

– Помню, как на спор пиво пил, – напряженно соображая, ответил Конан. – Помню, что собирался на двор выйти и отлить... Потом ничего не помню! – он потряс головой и поморщился: – Дай пива, что ли, живодер...

Эрхард безмолвно протянул ему предусмотрительно принесенную с собой огромную кружку. В три глотка осушив ее, варвар почувствовал себя несколько лучше и осторожно поинтересовался:

– Так что же я наделал?

Эрхард весело рассмеялся и стрельнул глазами в сторону «Короны и посоха»:

– А может, не стоит?..

– Стоит, – твердо перебил его киммериец. Крыша трактира – это он видел – никуда не делась, а значит, самого худшего удалось избежать.

– Как хочешь... – и, продолжая хихикать, десятник начал свою повесть о предыдущем вечере. – Значит, когда я вошел, ты стоял посреди зала. И, ты уж извини, мочился купцу Стewardу в кувшин с пивом. Совершенно не обращая внимания на вопли несчастного торговца. Лицо у тебя при этом было ну совершенно как у деревенского дурачка. Посетители загибались от хохота, но это были еще цветочки... Закончив свои дела, ты берешь купца за горло и опрокидываешь содержимое кувшина ему в рот, приговаривая при этом нечто вроде – «Пей за папу, пей за маму, пей за младшую сестру!» Это что, традиционная киммерийская поговорка? – не получив ответа, Эрхард добавил: – Кое у кого в зале при этом началась настоящая истерика. Напоив купца, ты начал орать песни...

В продолжении рассказа Конан медленно начал понимать, что его нынешнее пребывание в Приграничье явно затмит предыдущее, а количество сложенных историй вырастет до небесных пределов. И что это будут за истории, страшно представить!..

– С чувством исполнив «Двенадцать и одну», ты решил поиграть в «Злой медведь вышел на охоту» и принялся с ревом гоняться за девушками-служанками, обещая их изнасиловать, – безжалостно продолжал пунцовый от еле сдерживаемого смеха Эрхард. – Кое-кто из них, наверное, был бы вовсе не против, попроси ты их об этом более подобающим способом... Наконец, тебя попытались усмирить, но, после того, как ты измолотил троих добровольцев и пообещал сделать отличную яичницу из мужских достоинств хозяина, тебя решили оставить в покое. Так что весь оставшийся вечер ты сидел в углу и с ужасно сосредоточенным видом выл, явно вообразив себя волком и мешая всем остальным...

– Хватит! – Конан закрыл лицо руками и мучительно застонал. – Все, с сегодняшнего дня завязываю!

– Давно пора, – согласился Эрхард. – А то выставляешь себя на посмешище. Спору нет, вчера было замечательное представление, но повторять его не стоит.

– И в «Корону и посох» я лучше не ногой... – бормотал между тем варвар, собирая свои вещи, раскиданные вчера по всей комнате и гадая, как же он умудрился вернуться в гостинцу.

– Правильно, не ходи, – нарочито равнодушно произнес Эрхард, вставая с табурета. – Все равно она закрыта.

– А чего так? – удивился Конан, одевая перевязь с мечом и затягивая ремни.

– Да столы там чинят... и стойку! – десятник не выдержал и расхохотался

Киммериец заскрипел зубами и поддал ногой по шаткой двери так, что она чуть не слетела с петель. Ничего себе, повеселился!

– Ты у короля был? – осведомился варвар, когда они спускались по шаткой лестнице.

– Конечно, – кивнул Эрхард. – Он меня вызвал и разъяснил задачу. Мой десяток готов к походу, хотя, честно говоря, это безумный план. Впрочем, лучше такой, чем вообще никакого. Пошли, посидим в казарме, я тебе карту покажу и познакомлю с ребятами.

– А как погода? – задал самый главный в Пограничье вопрос Конан, открывая дверь. В лицо ему ударило яркое солнце и киммериец невольно зажмурился. – Понятно...

Они зашагали через густо заросший сорняками двор к нескольким приткнувшимся к крепостной стене ветхого вида строениям. Если так здесь живут солдаты, но немудрено, что король трясется и со дня на день ожидает переворота. За одно такое небрежение он заслуживает подобной участи.

Подняв голову, Конан впервые со дня своего приезда в Пограничное королевство увидел ясное небо. Все тучи куда-то подевались, и, насколько хватало глаз, простиралась лазоревая синь без единого облачка. Солнце отражалось в невысохших каплях вчерашнего дождя, уцелевшая листва на хлипких деревьях искрилась крохотными радугами. Даже развалины потеряли свой обычный угрюмый вид – омытые струями ливня, они напоминали старика, радующегося внукам.

Оживившийся Эрхард засвистел под нос какую-то лирическую песенку, что совершенно не вязалось с его обычной сдержанностью. Конану же было наплевать на все красоты Пограничья. Главное – наконец-то светит солнце и не капает холодный дождь.

Зайдя в казармы, киммериец в который раз удивился убогости королевства. Плохо обструганные и криво сколоченные нары с брошенными поверх соломенными матрасами, голые исцарапанные столы без одной-двух ножек, подпертые бочонками, колченогие табуреты, крохотные окна, затянутые мутными бычьим пузырями... В полусумраке неясными тенями скользили солдаты, то появляясь, то пропадая. Время о времени раздавалась забористая ругань и грохот опрокидываемой мебели.

Выгнав из-за выглядевшего наиболее прилично стола азартно резавшихся в кости солдат, Эрхард расстелил на нем большую подробную карту земель Пограничного королевства, лежавших на восходе.

– Вот смотри. Первые убийства были совершены здесь и здесь, – он ткнул в два небольших поселения, расположенных возле самой полуденной границы с Бритунией. – Затем они двинулись на полночь, и где-то через луну загрызли человека в Дервиге, лигах в пяти от рубежа, – толстый палец с грязным ногтем уперся в малозаметную точку посреди лесов.

Конан с интересом разглядывал карту.

– Нападения за Хафелем были? – спросил он, указав на речушку, текущую с полуденных предгорий Грааскаля через все Пограничье и впадающую в Милден неподалеку от границы с Немедией. Эрхард покачал головой:

– До позавчерашнего дня не было. После Дервига оборотни обшарили все земли к закату от Хафеля. Самое жуткое их злодеяние – резня в Гавене. Семью из восьми человек разорвали прямо в доме на краю большой деревни, и никто не осмелился выйти и помочь им...

– Труссы! – презрительно скривился варвар. – Если бы подобное случилось в Киммерии...
– Если бы да кабы, – казалось, десятнику стало обидно за собственную страну. – С каждым разом, – задумчиво продолжал он, водя пальцем по пергаменту, – нападения происходят все дальше и дальше от границы...

В казарму с грохотом влетел молодой солдат, и, чуть отдышавшись, крикнул:

– Где капитан? Капитана срочно к королю!

– Что такое? – капитан гвардии вышел из своей комнатухи, на ходу застегивая пряжки на кирасе.

– Погиб еще один караван! – с ужасом выдохнул солдат.

– На полночь от дворца? – быстро спросил Конан и пристально взглянул на принесшего дурную весть юнца.

– Да... А как ты догадался? – удивился парень, с уважением поглядывая на поднявшегося из-за стола огромного киммерийца

– Я с детства догадливый, – ухмыльнулся варвар. – Потому и прожил так долго.

– Пошли, – коротко бросил капитан, поправляя меч. – Ты вроде как должен меня проводить?

– Да-да, конечно, – засуетился юнец, покосился в последний раз на черногривого великана и, тихонько вздохнув – видимо, от зависти – вышел вслед за командиром.

Конан повернулся к Эрхарду:

– Где проходят главные караванные пути?

– К столице сходятся четыре хорошо проторенных тракта: из Нумалии, по которому пришел ваш караван; из Бритунийской Пайрогии – этот ведет с восхода; из Гандерланда – но из-за распрей в кланах в последнее время дорога пришла в запустение – и из Гипербореи, – четко отозвался десятник, водя для наглядности по карте. – На полдень от скалы под названием «Врата черепа» Гиперборейский и Бритунийский тракты сходятся лиги на четыре. Там еще проходит редко используемая дорога на Киммерию... А зачем тебе все это понадобилось? – он поднял голову от карты и озадаченно взглянул на варвара.

Словно не замечая его вопроса, Конан начал рассуждать вслух, оперевшись взглядом в точку, обозначающую Врата черепа:

– Так. Первый удар нанесен на полуденном тракте. Далее, через пару дней – Гиперборейская дорога. Третий и последний, если судить по повадкам оборотней, будет нанесен либо на перекресток, либо выше него, ближе к Вратам.

– С чего это ты так решил? – подозрительно осведомился Эрхард.

Конан ошарашенно уставился на него – мол, как можно не понимать таких простых вещей?

– Кром! Да это же проще, чем срезать кошелек у в стельку пьяного! Смотри – сначала идут нападения на полуденные деревни, затем начинается продвижение на полночь, до Грааскаля. Потом в течении луны – перерыв и все повторяется, только дальше от границы. Они убедились, что вам нечего им противопоставить и теперь обрушиваются на караваны. Когда пойдет следующий обоз в Гиперборею или оттуда? Или в полуночную Бритунию?

Эрхард взглянул на карту так, будто увидел ее первый раз в жизни, охнул и схватился за голову:

– Похоже, я окончательно пропил свои мозги! Насчет караванов лучше спросить у здешнего торгового воротилы... А, отродье Нергала! – он от души выругался и треснул кулаком по столу так, что затрещали доски, а сидевшие поблизости солдаты аж подпрыгнули от удивления. – Ты ж ему вчера в кувшин отлил, скотина!

На лице киммерийца не появилось и тени улыбки.

– Значит, к нему пойдешь ты, – холодно отчеканил он. – И выпросишь все о проходящих и уходящих караванах. А я пока познакомлюсь с твоим десятком и еще карту посмотрю – вдруг в голову что полезное придет...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Конан принимает командование и узнает нечто новенькое об оборотнях и мечах

– Ладно, – согласно кивнул головой десятник, оглянувшись по сторонам и, заметив светлого волосого крепыша, гаркнул во всю глотку: – Эртель! Поди сюда! Да шевели, шевели мослами...

Когда парень с кислым видом подошел к столу, Эрхард хлопнул его по спине и, смеясь, представил:

– Это мой заместитель и заодно двоюродный племянник, хотя дядю, засранец, ни во что не ставит!

Племянник закивал головой и страдальчески закатил глаза, явно пытаясь показать, что сам многократно слышал уже все эти сказки, а всем прочим не стоит обращать на них внимания. После чего со словами: «Ладно, ладно, дядя, иди по своим делам, – довольно неприязненно подтолкнул десятника, заявив:

– Я сам вполне справлюсь.

Эрхард укоризненно посмотрел на младшего родича, и, после краткого размышления, отвесил ему подзатыльник:

– Как со старшими по возрасту и званию разговариваешь, сопляк?! Ладно, Конан, я пошел... – он поднялся и направился к выходу из казарм, раздавая по пути пинки не успевшим увернуться солдатам. Эртель скорчил рожу, показал удаляющейся спине неприличный жест, а затем обернулся к варвару:

– У-у, старый козел! Дядя, называется! Пошли, Конан, я тебя познакомлю с нашими! – он ткнул рукой куда-то в угол полутемной казармы.

Они пробирались между нарами, то и дело спотыкаясь о разбросанные вещи и оружие. Киммериец запнулся о поставленное между лежаками копьё и только природная ловкость спасла его от неприятного близкого знакомства с отродьём невымытым полом. Бурча под нос ругательства, Конан перешагнул через вдрызг пьяного вояку, как бревно валяющегося в проходе, и удивленно остановился. Перед ним прямо на полу углем были проведены две толстые линии, сходящиеся под прямым углом и образующие вместе со стенами большой квадрат. Пол за линиями и перед ними был выскоблен добела и на нем красовались слегка измененные, но очень тщательно выведенные краской немедийские буквы, складывающиеся в грозное предупреждение: «Не переступай – убьем!»

– Это место десятка Эрхарда, – с гордостью произнес Эртель, и, переступив, обернулся, – Ну, и ты заходи...

– А не убьете? – хмыкнул Конан.

Парень критично оглядел возвышавшегося над ним варвара, нахмурился и с напускной серьезностью сказал:

– Не бойсь, гостей мы почти не обижаем...

Эти слова сопровождал громкий хохот расположившихся на нарах солдат. В этом углу было несколько посветлее – на стенах висела пара масляных ламп, на столе же красовался медный шандал с несколькими свечами – а потому обитателей отдельного угла можно было разглядеть без особого труда. Их было человек восемь. Дав своим отсмеяться, Эртель скомандовал:

– Подъем! Построиться в шеренгу!

Конан слегка удивился той быстроте, с которой было выполнено приказание.

«Больно хорошо вымуштрованы для здешнего борделя,» – подумал он, оглядывая покрытые шрамами физиономии, с любопытством уставившиеся на него. Эртель откашлялся, соорудил серьезную мину и торжественно произнес:

– Ребята, знакомьтесь, это Конан. Как всякий варвар, а особенно киммериец, он слегка чокнутый, а потому собирается устроить охоту на оборотней. Согласно его просьбе и личному королевскому приказу мы все с этого дня переходим к Конану в подчинение. Вопросы есть? Нет? Ну и замечательно.

Эртель пошел вдоль строя слева направо, кратко характеризуя каждого.

– Эмерт, – начал он, указывая на темноволосого сероглазого боссонца с переломанным носом. – Спокоен как лед, при необходимости может промолчать весь день. Первый среди лучников королевской стражи.

– Гильом, – типичный соломенноволоосый гандер, его желтоватые глаза настороженно изучали Конана. – Стеснительный, как девица, но в бою беспощаден. Любимое оружие – два коротких меча.

– Веллан, – длинные выющиеся белокурые волосы, перетянутые кожаным ремешком, насмешливый взгляд ярко-синих глаз. – Из Бритунии. Хитрюга и болтун, но зато с ним не соскучишься... Двуручный меч.

– Хальмун, – рыжеволосый и рыжебородый ванир с черной повязкой на левом глазу и носом картошкой. – Ванир, и этим все сказано.

– Да уж, – согласился Конан, с уважением поглядев на изрядно потертую рукоять двулезвийной секиры.

– Вальсо, – худощавый высокий зингариец с тонкими черными усиками и бородкой клин-нышком. Это ж каким штормом его сюда занесло?... – Даже если у него спросить, какая сегодня погода, будет размышлять над ответом целый день. Зингаранская сабля.

– Илмайнен, – высокий, крепкий, зеленоглазый. Гипербореец, и спрашивать не надо. – Непрошибаемый, как каменная башня, но страдает непреодолимой тягой к юбкам. Длинный меч-шпага.

– Гарт, – еще один гандер, младший брат Гильома, чуть потемнее и повеселее. – Хвастун и редкостное трепло, все бьется об заклад, что переболтает Веллана. Два коротких меча.

– Никогда этого не случится, – вполголоса пробормотал бритуниец. Гарт в ответ хмыкнул.

Взглянув на последнего в шеренге, Конан едва сдержал изумленный вскрик. Строй замыкал молодой, но весьма крепко сложенный... киммериец с огромным мечом за спиной. Парень изо всех сил старался сохранять серьезность, но это у него плохо получалось – губы сами собой расплзались в ухмылке.

– А это что еще за?... – недоуменно обратился варвар к откровенно хихикающему Эртелю.

– Это Ранн, – представил Эртель. – Он три луны назад спустился с гор и еще не слишком освоился. Но сражается прекрасно. А его меч уже не раз пытались купить.

– И даже украсть, – юношеским баском встрял молодой горец. – Ну, а я ручонки цепкие малость поукоротил. После – ни-ни... Кстати, по дороге сюда я проходил через земли Канахов. Твои родичи живехоньки, и...

– Ладно, всем разойтись, – распорядился Эртель, поняв, что взаимное представление закончилось и сейчас начнутся долгие родственные разговоры. Десяток вернулся к прежнему времяпровождению, а двое киммерийцев почти сразу же уселись за столом в углу и оттуда донеслось:

– А как Морен? Ну, да, та самая... Что случилось с Нерелом – он же собирался собрать отряд и пойти на Ванакхейм?... Что, пошел? И его разбили? Ну, этого и стоило ожидать... А как поживает...

Воспоминания продолжались до тех пор, пока в казармы не вернулся Эрхард. Он вошел слегка повеселевший, с крошками хлеба в седеющей бороде и тронул Конана за плечо:

– Кончайте трепаться, говорить теперь буду я.

Понятливый Ранн торопливо вскочил, уступая место, но далеко не ушел, явно рассчитывая услышать что-нибудь интересное. Десятник уселся, побряхтел, потом дотянулся до не приметного ящика у стены и вытащил две пыльные глиняные бутылки, запечатанные зеленым воском, и пару вместительных кружек.

– Серьезную беседу лучше всего вести вместе со «Старым королем», – глубокомысленно пояснил он. Конан согласно кивнул и подцепил кончиком ножа залитую воском пробку с клеймом пуантенского винодельческого цеха.

– Это напиток двадцатилетней выдержки, – продолжал тем временем Эрхард, вытаскивая крепко сидящую затычку и с наслаждением приюхиваясь. Темно-красная, почти бордовая густая жидкость, забулькав, полилась в его кружку. После некоторых затруднений Конан справился со своей бутылкой и отхлебнул для начала маленький глоточек. Вино оказалось терпким и приятно горчило. Подержав его во рту, как истинный знаток, киммериец осторожно сглотнул и после размышления кивнул, подтверждая слова Эрхарда:

– Великолепно...

Сделав хороший глоток, Эрхард утер усы и неторопливо начал:

– Значит, пришел я к Стеварту. Домина, я скажу, у него! Ну да ладно, это к делу не относится. И спрашиваю вежливо, мол, король интересуется, когда пойдет следующий караван из Гипербореи или полуночной Бритунии. А он меня зазвал обедать и долго жаловался, что, когда надо, стражников никогда нет – это о вчерашнем веселье в «Короне». Мол, теперь все его компаньоны смеются, а он теряет деньги и так далее. Дав ему время поплакаться в кольчугу, я деликатно напомнил о поручении короля. Он начал бурчать что-то нелестное о королевских войсках, но я стукнул по столу, – Эрхард продемонстрировал, как именно это было сделано, – и велел ему заткнуться, а то сам будет караваны охранять. После этого он стал поговорчивее и признался, что из Гипербореи после гибели Тилейнена (всем видом показывая, кто в этом виноват) ничего не предвидится, а вот из Бритунии через седмицу придут работоторговцы. После этого он выпроводил меня на улицу и слова не дал сказать... Короче, теперь я склонен считать, что ты не зря справил ему в кувшин малую нужду! – Эрхард опрокинул кружку в глотку и расхохотался.

Конан тоже усмехнулся и поинтересовался:

– У тебя что, этого вина так много, что ты хлещешь его кружками?

– Да нет... – рассеяно отозвался десятник. – Просто я так привык... Ты что, будешь меня учить, как пить? – неожиданно разозлился он.

Похоже, «Старый король» оказался слишком крепким для десятника, поэтому Конан примиряюще махнул рукой:

– Да нет, я просто так спросил, – киммерийцу вовсе не хотелось ссориться со старым воином.

– Ну, раз просто так, то давай еще по бутылочке, – предложил успокоившийся Эрхард.

Через некоторое время последовала еще «бутылочка», за ней еще и еще... Казалось, ящик был бездонным, и Конан в ужасе почувствовал, что снова напивается до бессознательного состояния. Уже третий раз за какие-то семь дней.

Это была его последняя здравая мысль, а дальше все потонуло в винных парах...

* * *

– А правда, что ты ходил на Венариум? – спросил Ранн, присаживаясь под соседнюю сосну и уставившись горящими от любопытства глазами на дремлющего вполглаза Конана. Тот, не открывая глаз, утвердительно кивнул головой.

– А как это было? – похоже, любознательность была основной чертой характера Ранна. Интересовало его все на свете, а больше всего – бурная жизнь старшего соплеменника, отголоски о похождениях которого долетали даже в далекие полуночные страны.

– Мерзко, – лениво отозвался Конан. – Мерзко, грязно и кроваво, как на любой бойне. Нас было гораздо больше, и каждый хотел только одного – убивать. К утру не осталось в живых никого из защитников, а сама крепость горела еще дня три или четыре.

Ранн разочарованно примолк. Похоже, он ожидал услышать о вошедшем в историю Киммерии нападении нечто большее, чем несколько небрежно брошенных фраз.

...Шел уже второй день, как маленький отряд в одиннадцать человек расположился на холме, возвышавшемся примерно в четверти лиги от перекрестка торговых дорог, ведущих на полночь, и начал ждать явления бритунийских работорговцев. Высокий холм, поросший густым сосняком, представлял собой самое удобное место для наблюдения за дорогами. На вершине холма обнаружилась большая поляна, покрытая густым слоем опавшей хвои и мягкими ключьями белого мха, где и разбили лагерь.

В месте слияния трех трактов хвойный лес постепенно кончался, уступая место буйному разнотравью, сейчас поблекшему и полегшему под частыми ливнями. За Перекрестком по обеим сторонам дороги выростали два поросших соснами холма, правый побольше, левый поменьше. За ними начинался сосновый бор, простирающийся на три-четыре десятка лиг к полудню.

Занудные осенние дожди вроде прекратились, раненое бедро Конана почти зажило, и жизнь казалась на диво замечательной штукой. Если забыть о виденном по пути сюда.

Добираясь к Перекрестку, отряд обнаружил остатки разоренного каравана. То же самое – товары не тронуты, но раскиданы по всей округе, все люди убиты со звериной жестокостью. Хотя чему тут удивляться? Оборотни и есть звери. После прохода бритунийцев надо будет прогуляться по тем местам, где видели оборотней и попытаться вытянуть из трусливых крестьян хоть какие-нибудь сведения. Должны же были селяне что-то видеть или слышать!.. Пока же у Конана складывалось стойкое и неизвестно на чем основанное впечатление, что некто пытается столь жестоким и жутковатым способом настроить дворянство и народ против законного правителя. Хотя странно говорить в такой дыре о «законе», но будем для простоты считать, что человек, нынче сидящий на троне в полуразвалившемся дворце – и есть законный. В конце концов, вся имеющаяся власть зажата в его трясущихся слабеньких лапках... Конечно, до времени, а там появится другой и будет не менее «законным». Тьфу! Не страна, а сплошное недоразумение. Хоть бы появился кто-нибудь, способный прижать местных дворянчиков и бешеные кланы к ногтю да навести мало-мальский порядок!..

От таких мыслей Конан окончательно проснулся и оглядел стоянку. В карауле на склоне холма находились братья-гандеры, остальные частью дремали, частью занимались своими делами. Эртель и Веллан, взаимно обвиняя друг друга в бестолковости и неумелости, пытались приготовить из вяленого мяса и поджаренного хлеба какое-то подобие обеда на всех, Ранн сначала приставал с расспросами к Конану, потом отправился к костру и начал с удовольствием давать самозванным поварам полезные советы, Эрхард и Эмерт о чем-то шептались с Вальсо, а Хальмун и Ильмайнен дулись в кости. Судя по доносившимся голосам, ванир проигрывал уже пятую партию подряд.

Мирные посиделки на поляне были нарушены внезапно вылетевшим на поляну Гартмом. Он так спешил, что запнулся о корень и едва не приземлился головой в костер. Веллан поймал его за шиворот и поставил на ноги.

– Бритунийцы идут, – возбужденно выдохнул гонец. – Их уже видно!

– Подъем, – скомандовал Эрхард. – Оружие в руки и рассыпаться по краю холма. Смотреть в оба! Эртель, Ранн, потушите костер, только без дыма.

– И постарайтесь, чтобы вас все-таки не заметили, – проворчал Конан, проверяя, легко ли выходит его меч из ножен.

Через мгновение поляна опустела. За два дня ожидания десятник успел не только присмотреть и распределить неприметные с дороги места для наблюдения на склонах, но и провести парочку учений. Задержались только Ранн и Эртель, забрасывавшие костер заранее приготовленными кусками дерна, но вот и они, подхватив прислоненное к деревьям оружие, исчезли в зарослях.

Конан и Эрхард не спеша расположились на полуденной стороне холма, откуда хорошо просматривались и дорога, и лес. Спрятавшись в выемку у корней высоченной мачтовой сосны, варвар огляделся.

К Перекрестку медленно, оставляя за собой шлейф пыли, подползала длинная вереница скованных рабов. Между небольшими группками невольников двигались крытые фургоны, вдоль колонны разъезжали одетые в доспехи охранники, время от времени награждая ударами плетей замешкавшихся рабов.

Когда караван подошел поближе, стали отчетливо слышны стоны несчастных. Видимо, их гнали безостановочно целый день – хозяин то ли не мог дождаться прибыти, то ли боялся чего-то... Большинство невольников составляли женщины (бритунийки на рынках ценились примерно раза в два дороже бритунийцев), но и они не получали снисхождения – кнуты правящих фургонами возниц были длинны, разрывая при ударах одежду, а вместе с ней и кожу, и оставляли глубокие багровые рубцы, тут же начинавшие кровоточить.

Конан видел (процессия как раз поравнялась с его укрытием), как, получив плетью по лицу, упала и больше не поднялась светловолосая женщина. Некоторое время остальные волочили ее тело, но потом скорость замедлилась, а сзади напирали... Тогда, отчаянно ругаясь, ближайший стражник соскочил с невысокого каурога конька местной породы, подошел к упавшей и пару раз пнул ее. Потом, порывшись в поясом кошеле, вытащил ключ, наклонился и разомкнул ошейник. В ярком полуденном свете сверкнул чуть изогнутый бритунийский меч, затем тело оттащили в сторону и спихнули в канаву...

Караван медленно тащился мимо затаившихся на холме наблюдателей, Конан видел печать беспокойства на лицах охранников, постоянно озирающих холмы вокруг. Они явно слышали о нападениях оборотней и теперь каждое мгновение ожидали, что тихие холмы оживут и вниз покатится лавина жутких созданий.

Неожиданно у варвара появился собственный повод для беспокойства – он ощутил легкое, но непреходящее жжение в области груди. Не отрывая взгляда от дороги, киммериец почесался сквозь куртку, но зуд не прекратился, а наоборот, усилился, распространившись вниз по животу... Осторожно, чтобы с дороги не заметили подозрительного движения в кустах, варвар засунул руку под одежду и сразу, щекоча кожу, по ладони побежало множество маленьких лапок. Выдернув кисть, Конан с ужасом увидел на ней не меньше полусотни крупных красных муравьев.

«Поздравляю, ты улегся прямиком на выход из их жилища, – мрачно подумал варвар. – Интересно, когда тебя едят живьем – это как?»

Жжение усиливалось, шевельнуться, как назло, было нельзя – внизу несколько охранников, то ли что-то заподозрив, то ли по случайному совпадению, таранились на злополучную сосну. Придется ждать, пока они не проедут. Сзади разлегся Эрхард, с сосредоточенным видом созерцавший две сотни бритунийских рабов. Они шли так близко, что на холме был отчетливо слышен хруст ломающейся подсохшей грязи, а ветер доносил резкий запах давно невымытых тел и тяжелые стоны невольников, издаваемые, казалось, самой уставшей плотью.

Когда замыкающий вереницу фургон отъехал на несколько полетов стрелы, Конан, ругаясь яростным шепотом, откатился в сторону и начал лихорадочно стаскивать одежду. Эрхард вначале недоуменно уставился на него, а затем беззвучно расхохотался, поняв причину столь

странных действий варвара. Конан пришлось изрядно попотеть, стряхивая с себя воинственных насекомых, а затем тщательно выбивая их из складок одежды. Разделавшись с обидчиками, он тяжело вздохнул и вытер лицо ладонью:

– Маленькие демоны, Сет их раздери! И угораздило же меня!

– Да уж, – подтвердил Эрхард, ухмыляясь в усы. – Надо было смотреть, куда плюхаться...

– Кто ж знал, – буркнул Конан, – что они тут под землей... Холмика-то не было!

– Не было, не было, – передразнил десятник и показал на удаляющийся в лес караван. – Хорош веселиться, следи лучше за ними...

Жуткий протяжный вой донесся из чащи, заставив вздрогнуть от неожиданности всех притаившихся на холме и даже далеко не слабонервного Конана. Звук пробирал до костей, душа леденела и пряталась в самые дальние закоулки тела. Это был зов начинающейся охоты, клич земного воплощения смерти, и ему вторил отчаянный, полный невыразимого ужаса вопль почти трехсот глоток...

– Что? Что там такое? – дергал варвара за рукав не такой зоркий Эрхард.

– Они сделали это! – в голосе Конана звучала радость охотника, долго преследовавшего и наконец настигшего добычу. – Оборотни напали на караван!

– Тогда вперед, – предложил Эрхард. – С помощью бритунийцев мы покончим с ними раз и навсегда!

Киммериец отрицательно покачал головой:

– Мы не полезем в бойню, нас там будут бить и те, и другие. Подождем, чем закончится...

Собственно, ждать было почти нечего. Почти всех конных воинов прикончили в первую очередь. Еще сопротивлялись уцелевшие возничие, да вопили и плакали рабыни, но такие мелочи были не в состоянии остановить монстров. Скоро со всеми свободными бритунийцами было покончено и настала очередь невольников, лишенных даже малейшей возможности дать отпор. Около трех десятков рабов отогнали в сторону, сбив в кучу возле одного из фургонов, остальных резали как скот на бойне.

Конан и Эрхард находились довольно далеко и не могли разглядеть подробностей кровавой трапезы, но воображение киммерийца с услужливой готовностью подсказывало ему обширный набор отвратительных сцен. Тряхнув головой, чтобы избавиться от видений, Конан обернулся к Эрхарду:

– Зови всех. Выступаем.

Оборотни тем временем оставили в покое истерзанные трупы, часть чудовищ скрылась в лесу, остальные окружили оставленных в живых и трясущихся от ужаса пленников и погнали их вслед убежавшим собратям. Несколько оборотней, принявших вид волков, лениво обегали кругами место побоища, принявываясь и выискивая, не сумел ли кто из людей спрятаться. Двое из них направились к холму, где скрывался отряд из Пограничья.

– Бегите, бегите, – зло подумал Конан, вытаскивая меч из ножен и поудобнее устраивая его. Оборотни неспешно приближались, заглядывая во все мало-мальски подходящие укрытия... и тут киммериец почувствовал, что оружие в его руке слегка шевельнулось. Ошалело уставившись на него, Конан едва не протер глаза – не видение ли померещилось? Но меч действительно еле заметно подрагивал, а по клинку пробегали волны синеватого мягкого свечения, усиливавшегося по мере того, как оборотни подходили все ближе и ближе. Времени на раздумья по поводу странного поведения оружия не оставалось – оборотни уже бежали по склону холма и, явно учуяв человеческий запах, жались к земле и глухо ворчали.

Киммериец принял единственно верное решение – с криком «Кром!» он, как лавина, обрушился на остолбеневших от неожиданности волчар. Один из оборотней, более сообразительный, чем его приятель, вскинулся на задние лапы, одновременно принимая облик жутковатого подобия человека – существа, покрытого короткой серебристой шерстью с коричневыми

подпалинами, и с зелеными человеческими глазами, в глубине которых горело темное пламя. Второй остался волком – если только где-нибудь встречаются голубоглазые волки...

Не дав им времени, чтобы придти в себя и что-то предпринять, варвар изо всех сил пнул того, что был волком, угодив каблуком сапога точно в мокрый черный нос. Пронзительно завизжав, тварь отлетела шагов на десять, уже в полете превращаясь, как и его собрат, в получеловека-полужверя, заросшего серой клочковатой шкурой с рыжими пятнами.

Ненадолго обезвредив одного из противников, Конан атаковал второго, нанося рубящий удар справа. Меч лишь со свистом прорезал воздух, тварь с немыслимым проворством отскочила назад, и, ухмыляясь зубастой пастью, погрозила кривым пальцем.

Ухмылка пропала, когда чудовище повнимательнее пригляделось к мечу. Конан мог поклясться чем угодно, включая и собственную душу, что в человеческих глазах жуткого существа мелькнуло удивление и страх.

Позади раздался хруст веток и ворчание. Варвар оглянулся через плечо – второй оборотень, мотая головой, поднимался с земли... а ребята Эрхарда что-то не спешили.

В этот момент серебристый зверь бросился на киммерийца, одним могучим прыжком покрыв разделявшие из пять или шесть шагов. Здоровенная туша опрокинула Конана на траву, он больно ударился спиной о булыжник (проклятье, ну откуда он здесь взялся?), а оборотень, клацая зубами, пытался дотянуться до шеи человека. Киммериец, всеми силами отпихивая от себя невероятно сильную тварь, пытался одной рукой дотянуться до выроненного при падении меча. Клинок яростно пылал почти белым светом и дрожал, словно его возмущало само присутствие оборотней рядом с ним. Но вот, к сожалению, приблизиться к своему хозяину он не мог..

Тем временем серебристый слегка приподнялся, уперевшись лапой в защищенный кольчужой живот варвара, и ударил растопыренными пальцами, заканчивавшимся внушительной длины когтями, другой не то лапы, не то руки в лицо Конану. Тот, оставив безнадежные попытки дотянуться до меча, перехватил запястье почти у самых глаз, и, вцепившись чудовищу в плечо свободной рукой, рывком опрокинул его прямо на лежавший в траве клинок.

Результат превзошел все ожидания варвара. Серебристый, ухнув, повалился на лезвие и тут же взвыл от невообразимой боли. Запахло паленым, оборотень, извиваясь, откатился в сторону, но поздно – тело твари начало стремительно оплывать, как тающее на раскаленной сковороде масло. Исчезли шерсть и когти, морда и хвост втянулись внутрь... Конана от этого зрелища едва не вывернуло наизнанку, он подхватил с земли меч и с невнятным возгласом отращения обезглавил не успевшего закончить превращение оборотня.

Сразу наступила тишина, а корчащееся на земле мерзко-белое бесформенное тело бесшумно рассыпалось. Удивленно моргая, киммериец уставился на белую пыль, быстро рассеиваемую ветром.

Напарник погибшего, все это время неподвижно стоявший возле сосны, почти человеческим голосом прохрипел «Нет...» и бросился вниз по склону. Конан рванулся было следом, но где-то неподалеку раздался звонкий щелчок спускаемой тетивы. Боссонский лук, – не оборачиваясь определил варвар.

Десяток Эрхарда в полном составе маячил между сосен, а рядом с бывшим укывищем киммерийца и десятника стоял Эмерт и спокойно, равномерно бил из длинного, почти с него ростом, лука.

Оборотень не пробежал и десяти шагов, как пять стрел одна за другой ударили в его спину, прошив насквозь и выставив окровавленные наконечники на целую ладонь. Монстр захлебнулся собственной кровью, пробежал еще несколько шагов, неуклюже повалился набок и покатился вниз по склону, с хрустом ломая длинные древки. За спиной Конана раздосадовано вздохнул Эмерт:

– Эх, жаль стрел...

Тело наконец остановилось, ударившись в оказавшийся на пути толстый сосновый ствол, и десяток наперегонки помчался вниз, к тяжело дышащей туше, серо-рыжая шерсть которой уже начала слипаться от хлещущей из ран крови. Оборотень уткнулся мордой в пожухлую траву и выглядел неважно, но, что самое странное, умирать отнюдь не собирался.

Конан, оказавшийся у тела первым, с усилием перевернул существо на спину и наткнулся на прямой взгляд небесно-голубых, слегка затуманенных болью и страхом человеческих глаз.

– Добей меня, ублюдок, – отчетливо выплюнула слова окровавленная клыкастая пасть.

– Э-э, нет, – покачал головой подбежавший Эрхард. – Для начала мы немного побеседуем...

– Мне не о чем разговаривать с человеком, – оборотень демонстративно отвернул голову.

– Ага, – невозмутимо кивнул десятник. – Значит, не о чем... Конан, дай-ка сюда меч, посмотрим, кто он на самом деле...

– Нет!.. – по-настоящему испугавшись, оборотень попытался отползти, загоразживаясь руками от ужасного клинка, который варвар с каменным лицом поднес к нему.

– Хватит, – остановил киммерийца Эрхард. – Конан, убери пока свою реликвию. Так будем разговаривать или как? – десятник присел рядом с чудовищем, и, к удивлению варвара, оно даже не попыталось огрызнуться. Конан оглядел внимательные и сосредоточенные лица воинов, кружком расположившихся вокруг лежащей твари. Казалось, они что-то знают о поймавшем существо. Что-то такое, чего не знал он.

Тем временем оборотень, нехотя выдавливая из себя слова, начал отвечать на вопросы Эрхарда:

– Сколько вас?

– Двадцать три... Теперь двадцать один.

– Откуда вы взялись? – встрял Конан. Оборотень криво усмехнулся:

– Мы были всегда, даже раньше вас...

– Конан, не мешай! – сердито рыкнул Эрхард. – Сейчас не это главное. Когда выясним все, что нам нужно, можешь поболтать с ним хоть о погоде, хоть о девочках, – и, повернувшись к зло косящемуся на них полузверю, продолжил допрос:

– Где ваше убежище?

Оборотень молчал, с равнодушным видом созерцая чистое синее небо и раскачивающиеся макушки сосен.

– Ну?! – грозно прикрикнул десятник, хватая существо за ухо и разворачивая мордой к себе. – Меча захотел?

Оборотень тяжело вздохнул и пробурчал:

– На полуденный закат отсюда лиг пять по кабаньей тропе лесом. Упрешься в бурелом, за ним холм с пещерой. Отыщете...

– Кто вами командует? Ваша шайка единственная?

– Будто не знаешь... Не единственная, не единственная... – тварь опять замолчала, уставившись в небо.

– Кто вожак? – настойчиво повторил Эрхард.

– Не знаю, – с вызовом бросил оборотень и еле слышно хмыкнул.

Во время разговора Конан внимательно следил за воинами и от него не укрылись несколько быстрых взглядов, которыми обменялись Вальсо и Хальмун. Варвару все это сильно не нравилось, в том числе и брошенная оборотнем фраза «Будто не знаешь...» Ладно, разберемся позже.

– Так уж и не знаешь? – с ехидством в голосе переспросил Эрхард и обратился к своим: – Ну как, кто хочет что спросить?

Желающих не нашлось – все отрицательно помотали головами. Кроме Конана, решительно поинтересовавшегося:

– Что у меня за меч? Почему он так действует на вас?

Оборотень повернул к нему морду и, похоже, хотел ответить, но тут у него горлом хлынула кровь, он захрипел, забулькал, и Эрхард быстрым ударом кинжала прекратил его мучения.

– Как всегда! – разочарованно буркнул Конан, и, махнув рукой, начал подниматься вверх по склону. – Вечно мне не везет...

Веллан откровенно ухмыльнулся и, судя по выражению лица, собрался крикнуть вслед варвару какую-то гадость, но Эрхард взглядом заставил его стереть улыбку и закрыть рот, а сам окликнул:

– Конан, подожди!

Киммериец остановился и, обернувшись, спросил:

– Чего ждать-то, вчерашнего дождя? Собираем вещички и вперед, за оборотнями... – он быстро зашагал по слегка шелестящей траве по направлению к лагерю. Эрхард догнал его и пошел рядом.

– Не думаю, что он знал что-то о твоём мече, – негромко сказал десятник. – Возможно, тому, первому, и было известно нечто полезное, но ты прикончил его раньше, чем мы успели допросить...

– Да-да, – едко отозвался варвар, насмешливо взглянув на десятника холодными льди-сто-голубыми глазами. – Во всех неприятностях виноват, конечно, я. Это я убил оборотня, пытавшегося меня сожрать, не поговорив с ним для начала о погоде, это я не дал тебе расспросить раненого, это я...

– Ладно, ладно, – Эрхард примирительно поднял руки. – Во всем виноват я. Но кое-что о твоём мече мне известно...

– Ну так что ж ты сразу не сказал? – раздраженно буркнул Конан, злобно пиная на ходу сухие сосновые шишки, в изобилии валявшиеся около лагеря, благо сосен вокруг тоже было в достатке.

– Ты мне не давал своим постоянным брюзжанием! – сердито ответил Эрхард. – Ну-ка дай сюда клинок! Смотри, вот эти руны, – десятник провел пальцем сначала по рукояти, потом по лезвию, – похожи на гиперборейские и нордхеймские, но по сравнению с ними кажутся куда гармоничнее... и правильнее, что ли. А теперь попробуй, дотронься до лезвия.

Конан так и поступил. Его пальцы ощутили едва заметные шероховатости, холодная твердая сталь казалась живой, и киммерийцу почудилось, что клинок еле заметно шевельнулся от прикосновения человека.

– Чувствуешь? – шепотом спросил Эрхард и, получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: – Это нанесенные слабым травлением заклятья, и, скорее всего, именно против магии оборотней. Сейчас такого не сделает ни один кузнец. Как, впрочем, и такой прекрасной стали, – десятник взял меч за рукоять и кончик лезвия и, поднатужившись, согнул почти в правильный обруч, а затем отпустил. Клинок возмущенно загудел и вернулся в первоначальное положение. – Остальные руны – не более, чем обереги – для верной службы, от злых духов, – Эрхард зыркнул по сторонам и сделал ограждающий жест рукой. – Эти – для остроты, ну и так далее...

Они вошли в лагерь и начали собирать добро, продолжая начатый по дороге разговор.

– Как ты думаешь, когда его ковали? – спросил Конан, снимая кольчугу и убирая ее в дорожный мешок, поверх кое-каких припасов, чистой рубашки, кремней и старой глиняной бутылки в веревочной оплетке, в которой плескались остатки пальмового вина, захваченной из Нумалии.

– Очень давно, – подумав, отозвался Эрхард. – Может, во времена Валузии... Но кто мог его сделать – не знаю... – десятник покачал головой и посмотрел на свой отряд, только сейчас

показавшийся из-за деревьев и явно не торопящийся. – Шевелитесь, отродья Нергала! А то вернемся – всех заставлю чистить выгребные ямы!

Угроза не возымела особого действия, хотя десяток и чуть прибавил шагу.

Спустя некоторое время с холма цепочкой спустились одиннадцать всадников и скрылись в густом, мрачном и неприветливом лесу.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой число оборотней значительно уменьшается, а количество загадок растёт...

Как и говорил пленный оборотень, лиг через пять узенькая, еле различимая среди густой травы кабанья тропка уперлась в высокий и почти непроходимый древесный завал. Протащить лошадей через многочисленные поваленные деревья, оплетенные на редкость колючим кустарником, было просто невозможно. Прямо за буреломом над лесом возвышался мрачно выглядывший холм, заросший старыми покосившимися елями. Над ним, еле различимая глазом, уходила в голубое небо тоненькая струйка дыма – похоже, кто-то неумело разжигал на холме костер.

Десяток охотников на оборотней спешил и стреножил лошадей. Кони сначала недовольно пофыркивали, чувствуя незнакомые пугающие запахи, а затем принялись пощипывать высокую, до колен, траву. Люди же начали готовиться к вылазке в самое логово своего загадочного и страшного врага.

Конан вынул из дорожного мешка кольчугу и натянул поверх куртки. Пусть врагов еще не видно, но вдруг какому-нибудь не в меру любопытному оборотню захочется узнать, что за медведь в человеческом образе трещит сучьями да громко и грубо ругается на весь лес. Воровато оглянувшись, варвар достал из мешка полупустую бутылку, выдернул затычку и сделал хороший глоток пальмового вина.

Тем временем стражники ожесточенно спорили, кому оставаться сторожем при лошадях. Крайним, к его глубочайшему сожалению, оказался Ранн. Он долго и изобретательно ругался до тех пор, пока Эрхард не отвесил ему хорошую затрещину, добавив при этом, что если одна нахально ухмыляющаяся варварская рожа желает повоевать с оборотнями, то может сразу, вопя во всю глотку, бежать через заросли, но только пусть подождет, пока все остальные отойдут на безопасное расстояние. Ранн что-то проворчал насчет вечной обделенности жителей полуночных стран, попытался обратиться за поддержкой к Конану, не преуспел, и демонстративно, ни на кого ни глядя, отошел к коням и уселся под огромной елью, пропав под ее разлапистыми ветками.

Остальные еще как следует проверили оружие, кое-кто, слегка поколебавшись, вслед за Конаном натянул кольчугу. Веллан, непривычно серьезный, достал броню, взвесил на руке, поглядел в раздумье и снова затолкал обратно в мешок. Потом, избегая удивленных взглядов товарищей, занял свое место в цепочке между Илмайненом и замыкающим варваром.

– Ну, ребята, с нами Митра... – негромко проговорил Эрхард. – Постарайтесь не трещать сучьями, не толкаться и не ругаться. Понимаю, что последнее выполнить очень трудно, но вы однако попробуйте... Идем друг за другом очень медленно и осторожно, – после этого напутствия десятник перешагнул через поваленную, уже слегка подгнившую сосну, и, раздвигая руками кустарник, начал углубляться в завал.

– Эрхард, стой, – тихонько окликнул его Конан.

– Чего тебе? – раздраженно зашипел тот, гневно поглядывая то на не вовремя сунувшегося под руку варвара, то вперед.

– Мне частенько приходилось прокрадываться мимо всяких не совсем обычных сторожей, а потому позволь мне и... – киммериец задумчиво осмотрел замерший отряд, – да, пожалуй, Эмерту пойти первыми.

Сероглазый боссонец покинул свое место в цепочке и подошел к командиру.

– Тебе приходилось бывать в вылазках против пиктов? – осведомился Конан. Эмерт кивнул и кратко отозвался:

- Да, мне известно умение не быть услышанным.
- Или увиденным, – вполголоса добавил варвар и повернулся к десятнику:
- Следуйте за нами шагах в двухстах. Вперед.

После этих слов двое неслышными тенями скользнули в бурелом.

- Ишь ты! – восхитился Хальмун. – А таким медведем прикидывался!
- Я бы попросил тебя заткнуться, – вежливо тронул ванира за плечо Вальсо. – И смотреть прямо, желательно себе под ноги.
- Хорошо, хорошо, – раздраженно откликнулся одноглазый и уставился на носки своих сапог.

Конан и Эмерт осторожно ступали по старым высохшим сучьям. Несмотря на все старания, под ногами то и дело раздавался хруст. Похоже, бурелом имел не совсем естественное происхождение. Конечно, тут было множество стволов, поваленных сильными зимними ветрами, но поверх них во множестве валялись сухие ветки, явно набросанные руками человека. Или лапами оборотня...

Мрачный еловый лес вокруг молчал, не пели птицы, не трещали насекомые, лишь где-то далеко позади еле слышно провыл волк. Быстро темнело, справа, сквозь торчащие сучья деревьев Конан порой видел багровую полосу неба и закатную корону солнца. Невольно отвлекшись на это зрелище, киммериец на миг потерял внимание и, споткнувшись о заросший мхом ствол, полетел вперед, напрямик на острые, торчащие в разные стороны обломки сухих веток, уже слыша жуткий треск, который раздастся после его приземления.

Однако ничего не произошло. Эмерт успел крепко вцепиться в пояс шедшего впереди варвара и, хрипя напряжения, не дал тому рухнуть. Выпрямившись, Конан кивком поблагодарил боссонца, на что тот пренебрежительно повел плечами – мол, на моем месте ты поступил так же.

Бурелом внезапно кончился. Казалось, что идти еще шагов двести, но, обогнув очередной завал – вполне проходимый, только очень хрустящий – лазутчики оказались среди обычных деревьев, за которыми скрывалась поляна, упиравшаяся в большой черный провал – вход в пещеру. Долгожданный и недосягаемый холм был перед ними.

Обойдя поляну, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху, двое людей не встретили ни единой живой души. Похоже, оборотни твердо верили в неприступность своего жилища и даже не выставили никакой охраны. Не говоря о том, чтобы побеспокоиться о судьбе двух сородичей, не вернувшихся после налета на караван...

Конан вскоре отыскал прекрасное место для наблюдения, откуда просматривался вход в пещеру – слева поляна плавно переходила в заросший кустами склон холма, и как раз на нем и расположился киммериец, послав Эмерта за остальными.

Разведчики не встретили никого в окрестностях, однако сама поляна не пустовала – прямо перед черным зевом подземелья двое оборотней разводили костер. Получалось это у них плохо, и они то и дело скалились и рычали друг на друга. Еще несколько оборотней выбрались из пещеры и разлеглись на траве, греясь на солнце, как обычные лесные звери.

Спустя некоторое время подошел и весь десяток, осторожно размещаясь в укрытиях по отрогу и готовя оружие к бою. Оборотни внизу наконец справились со своей задачей, удовлетворенно покружили вокруг разгорающегося пламени и побежали докладывать старшему – иссиня-черному крупному существу, сидевшему отдельно от всех. Тот выслушал их, совершенно по-человечески кивнул уродливой мордой, а затем, повернувшись к пещере, коротко провыл какое-то приказание.

Оборотни, бездельничавшие на поляне, начали подниматься и рассаживаться на бревнах вокруг костра. Из пещеры в холме начали выводить пленников-людей. У несчастных уже не было сил бояться, и они просто тяжело дышали и оглядывали скалящихся оборотней, подталкивавших их в спины.

Конану казалось, что сейчас будет производиться какая-то церемония, скорее всего, жертвоприношение. Вроде бы все было готово – жертвы есть, зрители тоже собрались, однако старший полуживер все так же неподвижно сидел на своем месте, а остальные терпеливо ожидали.

«А, – понял варвар. – Ждут тех двоих. Не дождутся!»

Видимо, старший тоже так решил, потому как недовольно заворчал и махнул лапой. После его приказа оборотни оживились, повскакав со своих мест и бросившись к пленникам. Люди завизжали от ужаса, попытались бежать, но, по-прежнему скованные единой цепью, запутались в ней и попадали на землю.

Каждый из оборотней выбрал себе по одному рабу или рабыне, освободив их от цепей. Двое людей остались свободными.

Иссиня-черный вожак подошел к ним, волоча следом потерявшую сознание рабыню за воротник свободной рубашки, поглядел с легким сочувствием и брезгливостью на съезжившихся людей и взмахнул лапой. Входящая над лесом луна мрачно блеснула на длинных когтях. Человек схватился за разорванное горло, и, обливаясь кровью, тяжело рухнул набок, в траву. Второй отчаянно закричал, подняв руки и закрывая ими шею и лицо. Оборотни хрипло захохотали, а черный молниеносным движением полоснул человека по животу. Крик перешел в судорожный хрип, пленник согнулся, пытаясь удержать вываливающиеся внутренности, но тщетно – скользкие от крови руки бессильно разжались, следом за ними подогнулись и ноги... Самое ужасное, что парень, лежавший на собственных кишках, был еще жив, но не кричал, а лишь часто и тяжело дышал...

Вожак стаи даже не посмотрел в его сторону, брезгливо вытерев когти о грубую льняную ткань рубашки своей рабыни, и встал вместе с остальными в круг возле костра. На этот раз оборотни не сидела, а стояли, ограждаясь телами пленников от веселого рыжего пламени, и время от времени поглядывая на ночное небо.

«Полнолуния, что ли ждут, ублюдки?» – подумал Конан, осторожно передвигаясь чуть вперед. Киммерийцу сильно не нравилось все происходящее. Не то чтобы его поколебало двойное убийство – нет, это вещь вполне обыденная, и к нему варвар отнесся совершенно равнодушно. Ему самому приходилось убивать за раз и побольше, притом гораздо более ужасными способами, чем вульгарное перерезание горла (пускай и пятью «кинжалами» сразу), или вспарывание живота. Не по душе Конану были зловещие приготовления у костра – от них за лигу несло черной магией и демонами. Хотя оборотни – они ведь тоже демоны и порождения темного колдовства. Странно они сегодня утром умирали... Ну, с первым вроде все понятно – его убила магия меча, второго же прикончили обыкновеннейшие боссонские стрелы и кровь у него была красная, как у человека... Много, очень много непонятого в этом деле... Почему, например, Веллан не стал надевать кольчугу?

От таких вопросов без ответов голова киммерийца просто раскалывалась. Внизу оборотни по-прежнему стояли вокруг костра, сжимая в лапах, как в железных тисках, время от времени теряющих сознание пленников. Оглядевшись, Конан увидел, что Веллан находится дальше всех от него и решил расспросить его кое о чем после боя. А в том, что бой будет, варвар не сомневался. Надо только выждать момент, когда твари увлекутся своим проклятым ритуалом и набросятся на них.

Конан решительно отогнал от себя все посторонние мысли и начал сосредотачиваться на предстоящей драке. Ему не мешали ни плач невольников, ни побряхтывание и еле слышные перешептывания залежавшихся воинов.

Наконец, ночь достигла своего пика. Бледно-желтый глаз полной луны освещал призрачным светом черные фигуры оборотней, отбрасывающих причудливые тени. Над головой Конана беззвучно проплыла, ухнув, сова, прошелестела крыльями тонко пищащая стайка лету-

чих мышей. Ветер стих и в наступившей тишине было слышно, как потрескивают поленья в ярко пылавшем костре оборотней.

Вожак шайки взглянул на ночное небо и удовлетворенно кивнул головой в такт своим мыслям. Затем поднял с земли небольшой мешочек, развязал и рывком высыпал содержимое в огонь. Пламя заревело, взметнувшись аж до вершин самых высоких сосен и...

Оборотни согласно выкрикнули нечто непонятное, звучавшее для человеческого уха как «Рарг верзег грухв» и толкнули своих пленников в бушующий костер. Вопль ужаса перешел в крики боли и быстро оборвался. Магическое пламя сорвало и развеяло по ветру слабую плоть и превратило в прах кости.

Иссиня-черный начал произносить отрывистые слова заклятия, и пламенный столб раскрылся, словно венчик цветка. Каждый пылающий багрово-алым светом наклонившийся вниз лепесток достался одному из оборотней, только главарь со своей потерявшей сознание пленницей стоял поодаль, продолжая колдовать.

Оборотни взяли за лапы и теперь сверху все это напоминало огромное колесо с центром в виде костра, магические лепестки стали ступицами, а кольцо оборотней составило обод. Колдовская мощь ощутимыми жаркими волнами накатывалась на тварей и они крепились прямо на глазах. Казалось, они впитывают жизненную силу погибших рабов... да так оно, наверное, и было.

Конан понял – настал решающий момент. Все оборотни, кроме вожака, были беззащитны – подходи и бери голыми руками, только не обожгись... Варвар осторожно потянул меч из ножен. Клинок ярко светился, испуская прямо волны бело-синего холодного огня. Киммериец накрыл его ножнами, пожалев, что не догадался прихватить с собой плащ. Клинок был горячим на ощупь и слегка подрагивал. От прикосновения к мечу у Конана появилось странное ощущение, будто он уже видел все происходящее, только позабыл, когда и где. Особенно ярко перед ним промелькнул образ молодого парня и одно непонятное слово, сияющее голубоватым светом...

Повинуясь внезапному чувству, Конан пошарил рядом с собой, нащупал первый попавшийся камешек величиной с куриное яйцо, и, откинув ножны, приложил его к мечу, пробормотав неизвестно откуда взявшееся в памяти слово – «элеверн». Клинок ослепительно полыхнул, оборотень внизу, не прекращая выкрикивать заклятья, медленно повернул голову, привлеченный вспышкой яркого света.

Его глаза внезапно расширились и стали походить на две перезрелые клубничины (благо для полного сходства зрачки горели просто демоническим огнем), когда на склоне холма поднялась высокая человеческая фигура со сверкающей звездой в правой руке, и, широко размахнувшись, запустила эту крохотную звезду в центр магического костра. Оборотню показалось, что время остановилось, а земля уходит из-под ног. Сияющий огонек, разгораясь все ярче и ярче, по высокой дуге медленно опускался в бушующий огонь...

Вожак оборвал заклинания, оттолкнул мешком упавшую пленницу и пронзительно завыл:

– Не-е-ет!

Но помочь сородичам, накрепко связанным колдовским огненным кругом, он уже не мог.

Для Конана время не тянулось. Он бросил камень, подчиняясь все тому же наитию, и с удивлением увидел, что поначалу вроде ничего не произошло. Сверкающий, как алмаз чистой воды, обломок скалы просто растворился в кровавом пламени – во всяком случае, именно так показалось варвару. Но потом...

Из центра костра, сменяя алый, хлынул бело-синеватый огонь. Он достиг оборотней и пронзительный рев боли, исторгнутый двадцатью глотками, показал довольному киммерийцу, что его лучшие предположения оправдались. Подняв с земли меч (теперь варвар мог поклясться, что загадочное оружие сияет радостно) и оперевшись на него, Конан смотрел,

как белый огонь, усиливаясь, пожирает оборотней, так же как их проклятое пламя недавно пожирало несчастных бритунийцев. Резко полыхнуло ослепительно-белым, и многоголосый вой стих, а на месте двух десятков жутких ночных тварей оставались только кучки белесого пепла. Костер мгновенно потух, оставшийся в живых вожак попятился назад, споткнулся о лежавшее у него под ногами полено и упал.

– Возьмем его живым! – заорал Конан и прыжками понесся вниз. Увлеченные его боевым задором, вслед варвару побежали братья-гандеры и Илмайнен. Остальные из отряда начали осторожно спускаться следом.

* * *

Иссиня-черный вожак испепеленной стаи поднялся на ноги и глухо зарычал. Сбежавший с холма варвар остановился шагах в пяти от него и подозрительно уставился на порожденную темным колдовством тварь. Мускулы у оборотня имелись – под густой короткой шерстью словно перекатывались стальные шары; из полуоткрытой пасти между желтоватыми клыками, которым позавидовал бы любой волк, тряпкой свисал ярко-красный мокрый язык, с него капала пена; в выпуклых черных глазах застыла боль.

– Ну, кто первый? Ты, киммерийский пес? – довольно внятно проговорил оборотень, расправив плечи и сжав-разжав кулаки.

Конан атаковал, нанеся два быстрых удара крест-накрест, однако оборотень стремительно увернулся, сделал кувырок вперед и оказался под ногами у варвара. Конан попытался пнуть его по морде, но промахнулся, а существо, ухватив противника за щиколотку и без особого усилия раскрутив массивное тело над головой, зашвырнуло варвара в заросли ежевики. Обалдевший от такой неожиданности киммериец полетел, как камень из пращи, оставляя за собой приличных размеров просеку в колючих кустах, и врезался головой точно в старый пенек, жалобно заскрипевший от подобного обращения и тут же развалившийся. Ободрав лицо и руки, порвав штаны (почти новые!..), варвар крепко приложился лбом и едва слышно ругнулся. Перед глазами сначала поплыла вереница разноцветных пятен, а затем все померкло и на некоторое время окружающее совершенно перестало интересовать Конана. Чего, собственно, и добивался оборотень...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.